ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

ВОЛЬНОЕ КОЗАЦТВО

10 Října 1932. **Volné Kozáctvo** Ročník V.

114

10-го октября 1932 г. 10-го жовтня 1932 р.

ПРАГА PRAHA

ГОД ИЗДАНИЯ 5-ый РІК ВИДАННЯ 5-ий

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Павел Поляков: Степан. (Verše).
2. Вл. Куртин: Цветы в гробу. (Květiny v rakvi).
3. Вероника Михалевич: *** (Verše).
4. Антонина Козлова: (Stesk po vlasti).

5. Kozáci a kozácká otázka.
6. Чужинец: Основание Оттоманского Казачества. (Založení Ottomanského kozáctva).
7. Ал. Ленивов: Яицкие казаки. (Jaické kozáci).
8. М. Забелло: Забайкальское казачье Войско (Zabajkalští kozáci).
9. А. Т. Жуков: На вопросы некоторых вольных казаков. (Na otázky některých volných kozáků).
10. И. Билый: Еще раз „К. К." и Соламахину. (Ještě jednou „К. К." a p. Solamachinu).
11. Думы и мысли. (Dumy a mysli).
12. С. Балыков: Ухищрения недругов ВК. (Úskoky nepřátel V. K.).
13. П. Поляков: Ген. штаба г. Соламахину. (P. Solamachinu).
14. А. Жуков: Последнее слово г. Соламахину. (Poslední slovo p. Solamachinu).
15. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
16. В Казакии. (V Kozácku).

Почтовый ящик.

Ески-Джумая. — И. К. — Получено. Привет.
Париж. — О. Р. Кубани. — Т. к. в постановлении правления Кубанской станицы в Париже, напечатанном в № 110-111 нашего журнала, Общество Р. Кубани не затронуто, то ваше письмо от 19 сентября с. г. не будет помещено. В таких случаях с опровержениями обращаются обыкновенно лица непосредственно затронутые.
Франция. — И. В. Ч. — 112 номер „ВК" во Франции не был почему то многими получен. Почему — не знаем, т. к. был исправно послан всем. Привет.
Франция — В. М. — Получено. Привет.
Франция. — П. К. — Получено. Привет.
Югославия. — К. А. — Получено. Привет.
Румыния, — О. Я. — Получено. Привет.
Брно. — В. К. — Получено. Привет.
Монтаржи. — С. Т. — Получено. Привет.
Чикаго. — А. Ю. — Получено. Привет.
Париж. — Ч. — Журнал С. послан. Привет.
Франция. О. Ш. — Исполнено. Привет.
Скоплье. — Я. К. — Ваше письмо получено через... 7 недель. Конечно, устарело. Привет.

Гонорар не платится.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво":

В Ч. С. Р.:

В БРНО: **Виктор Карпушкин.**
В БРАТИСЛАВЕ: **И. И. Безуглов.**

В ЮГОСЛАВИИ:

Б. А. Кундрюцков. Белград.
А. Чекин. Крагуевац.
Г. В. Алферов — Мраморак.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj.
С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Bukarest V.
А. К. Бабков. M-eur Babkoff, Galatz.

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. Варшава.
С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew. Wilno.
А. Кирьянов. Августов.
Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово.
Н. Егоров. Лом.

ВО ФРАНЦИИ:

Ш. Н. Балинов. Париж.
А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; Lyon.
Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; Lyon-Vaise.
И. В. Чуприна. M-eur I. Tchouprina. Cenon (Gironde).
С. К. Поляков. M-eur S. Poliakoff, Rombas.
Г. В. Балабин. M-eur Balabine. Ugine.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine. Cleveland, (U.S.A.).

В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:

С. Савицький. S. Savytzky. Brasil.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

И. Константинов. Харбин.

Казачья — наша цель

ВОЛЬНОЕ КОЗАЧТВО

ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

Наш девиз — Казачья воля

VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychazí 10 a 25 každého měsice).

Редактор **И. А. Билый.**

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.

№ 114 *Понедельник, 10 октября, 1932 = Понеділок, 10 жовтня, 1932.* *№ 114*

Павел Поляков. *(Белград).*

СТЕПАН.

Осенью ненастной листья опадают,
Осенью холодной дует ветер в щели,
Раннею зарею лужи замерзают,
Хлещет дождь со снегом в мразные ущелья...
И промозглый низко стелется туман...

. . . . . .

Осенью... в Требинье... умирал... Степан...

I.

Я тропинкой горной меж камней шагаю —
Вечером дождливым навещу его...
— Доброго здоровья!
— Здравия желаю!
— Как дела, Егорыч!
— Что — уж... ничего!
И порозовеют дрогнувшие губы,
А огонь в зеницах светит и горит...
Комкая подушку под ладонью грубой,
Голосом спокойным тихо говорит...
Говорит без злобы, без тоски и боли,
Будто вспоминает о чужой беде...
— О себе, Сергеич, рассказать мне... что-ли,
Коли ты надумал
дольше...
посидеть?..
— Посижу, Егорыч!
— Посиди, коль можешь?..
Да... воспоминанья хороводом темным
Душу мне волнуют... мучат и тревожат...
Тяжело, родимый, помирать бездомным...

II.

Мой курень в станице — первый жестью крытый,
На голландке черной — золотые львы...
Скот — до зорьки убран, вычищенный, сытый...
Полные амбары... полные хлевы...
Жинка на обзорьи рано уберется;
Сын, пополдневавши, едет борновать;
Пристяжные — змеи. В корень — иноходца.
Гройкой выезжали... Гикну — „Не подгадь!“ —
Загудит тачанка луговой дорогой —
Полыхнет у става уток и гусей...

. . . . . .

Для людского счастья много есть у Бога
Мягким бабьим летом золотистых дней.
Стелет паутина ковылем созревшим,
В воздухе прохладном — ни пылинки нет...
Только гикнешь лихо, повстречавшись с пешим,
На траве росистой оставляя след...
Насыпал амбары... Сберегал копейку...
А в груди могучей — сердце, что кремень...
Эх, казачья доля, доля лиходейка —
Туча грозовая в непогожий день...
Разве мог подумать, тарахтя по степи,
Что совиным летом горе налетит,
Что безмерной злобой дьявол нас ослепит
И хлеба сомнутся сотнями копыт!..
В грязь падут колосья под лаптем без стона,
И что дрогнут братья с берегов Хопра!..
Что сойдем бессильно пред врагами с Дона
И сгорят, что свечи, наши хутора!..

III.

В моей жизни нету подвигов и славы —
Я ведь неприметно на войне сидел...
Сын — не воротился из победной лавы...
И курень... под Пасху... от гранат сгорел...
А жену — в подводы красные угнали...
Говорил станишник, что ее нашли...
С выселок казачки Настю угадали —
Труп был голым брошен... на шляху... в пыли...

. . . . . .

Я, конешно, что же... подкреплялся водкой,
Да и здесь работал из последних сил...
За долготерпенье Бог послал чахотку,
Ну, и Врангель тоже раной наградил...
Рана поболела... а потом — открылась...
Похудел, что щепка... ест туберкулез...
Ты прости, Сергеич, может уморился,
Может надоело?.. так — спаси Христос
За твое вниманье... я ведь больше — к слову...
Ну, а на судьбишку — я не жалюсь... нет...

Знаешь сам наверно... каждого больного
Перед смертью тихий посещает свет...
. . . . . .
Вот и мне хотелось рассказать немного
О моих тоскливо пролетевших днях,
Да перед отправкой в дальнюю дорогу
Стремянную выпить... что-ль на последях...

Так-то вот, Сергеич, на душе-то пусто...
Может быть и ты мне кой что рассказал?
Выпей-ка — настойка...
Закуси — капуста...
Я хватил настойки, закусил капустой
И Степану молча долго руку жал.
. . . . . .
Вышел...

Дует ветер...
Дует прямо в очи...
На воде иголки мастерит мороз...
Ох, темны в изгнаньи пасмурные ночи..
От рассказа-ль... ветра-ль —
Полны очи слез...

IV.

Нынче о Степане вовсе позабыли,
Да и я то вспомнил как-то ненароком...
Вспомнил, как могилу мы Степану рыли —
Я... два турка старых... Камень... не глубоко...
. . . . . .
Да и кто же нынче помнит о Степане!..
Над притихшим Доном опустилась мгла...
Позабытой степи кровоточат раны
И давно там песня Воле замерла...

Вл. Куртин. *(Югославия).*

Цветы в гробу.

Егор Клушин первым пришел на „Красную борозду“, но, несмотря на это, „бригадир“ как-то подозрительно покосился на него и на его: „Доброе утро, товарищ!“ — ничего не ответил. Бригадир не отвернулся от Егора, но... посмотрел на него как на какое то пустопорожнее место.

А это был дурной знак.

Егор молча отошел на свой сектор и стал около сиротливо лежавшего на боку букаря: нужно было поджидать лошадей и погонщиков...

Сегодня уже четвертый день ударной пятидневки, а колхоз „Красная борозда“ выполнил только 11% своего задания...

Может быть потому так скривился бригадир? шевельнулась у Егора обнадеживающая мысль... Может быть и сам получил нагоняй от крайкома... Ну, нет: о н и никогда ни в чем не виноваты. Найдут виновных...

У Егора заныло под ложечкой. Казалось ему, что бригадир косым броском своих белесых глаз оголил ему душу и теперь уж ему не скрыть — какая ненависть кипит там ко всем этим красным „бригадирам“, крайкомам, колхозам и всей красной сволочи, затопившей кубанскую степь.

По рукам Егора нельзя было заподозрить в срывательстве: и в колхозе он работал обычно, как и раньше на своем. И исполнял беспрекословно все, что от него требовали. Но он не имел той „свободы“, той, до известной степени, непринужденности, с которой рассейские колхозники выполняли „задания“; той рабской „интимности“, с которой они отзывались о с в о е м бригадире и вообще о совпорядках. Он сердился на себя за свою „спутанность“, видел, что эту его спутанность замечают и другие, сознавал всю ее опасность, но также отлично сознавал и то, что еслибы хоть на момент допустил себе такую же „свободу“, как и другие, — его песенка была бы спета: эти же самые совхозники, за глаза матом кроющие бригадира, сейчас же „доушили“ бы кому следует и — виновный за невыполнение ударной пятидневки на лицо.

Егор не только не смел что либо сказать, но и работать так, как работают настоящие колхозники, и отдыхать столько, сколько отдыхают колхозники. Вот вчера, например, у Егора целый день отчаянно болел живот. От долго сдерживаемой острой естественной надобности он обливался холодным потом, скрипел зубами, но из борозды до „отбоя“ не вышел. А другие то и дело в „ровик“ бегали, просиживали там сколько хотели и им — ничего...

Егор перевернул букарь и принялся чистить лемеши.

Около палатки бригадира десятники (они же и шпионы) получали ударные квитанции. Из балки заносило дымом: то колхозские кухни готовят „обед“... Серые водянистые тучи, напирая с запада, неторопливо проплывают на северо-восток, против ветра, а под ними неуклюже трепыхаются грачи... Оборванные лапотники в картузах или типично „рассейских“ треухах вытягиваются на ленту.

Наконец, дан сигнал к запряжке. Погонщики подвели к плугам скелетообразных лошадей. Долго подгоняли веревочные постромки и вдруг увидели, что нет „ба́рок“.

Забегали десятники:

— Барки суды!.. Барки суды!..

Из палатки бригадир выскочил:

— Что это?.. какие барки?!.

— Да вот те, за которые посторонки вяжуть!

— Почему-ж вы, е... вашу мать, не привязали их?

— Дык мы-ж не плугари?..

Бригадир на ленту, — тресь первого „плугаря“ по морде, тресь другого!..

Егор ждет, когда подойдет к нему. Впился руками в ручки букаря, стиснул зубы... Вот бригадир уже за два человека от него... Вот с размаха треснул по лицу Бориса, Егорова соседа... Егор втянул голову в плечи... Сейчас... Но бригадир, злобно ухмыльнувшись, прошел мимо...

Егор растерянно глянул на Бориса. Тот, вытирая рукавом кровь, ответил жестом, который значил:

— Плохо...

Выдала запоздавшая магазинерка (она же и бригадирова „прилежница“). барки. — Засвистели, защелкали кнутами. Зачагокали колхозники.

Идет Егор за плугом; бережется, чтоб „огрехов“ не наделал. А сердце, точно червь, грызет тревожная мысль:

— Что это задумал бригадир?.. Неужели докопались, что он в Улагаевском баталионе был?.. За другое знали — прошло, но если это узнали — не пройдет так...

Тоскливыми глазами окинул Егор горланящих колхозников: все чужие, враждебные лица... Только три казака между ними. Но эти не выдадут. Вон за ним идет Борис, неразлучный его друг с самого детства. Вон там Михайло, с которым он вместе убежал из Одарюкова лагеря в Мечетку, а там дальше, одетый в какую то невозможную дерюгу, с трудом вытягивает ноги из борозды Степан...

Егор еще раз оглянулся на Степана.

— Да неужели же это Степан — красавец Степан, что бывало, каждую пятницу об'езжал на базаре диких неуков?...

Жалко стало Егору Степана. Так жалко, что даже

слезы на глазах навернулись. Даже и за бригадира было забыл...

Подошли к ленте. Вывернул Егор букарь. Разогнул спину. Посмотрел назад: по всему загону („сектору"?) растянулись совпахари: кто постромки связывает, кто хомуты засупонивает, кто барки выравнивает... А у палатки бригадиров автомобиль стоит...

Екнуло у Егора сердце, не слыхал, когда он подошел. А хорошего от автомобилей он еще ничего не видел.

А те, что посреди загона были, бросили плуги и лошадей и идут к палаткам. Машут, зовут и передних.

— Опять будут „перелом" завоевывать, шепчет Борис.

— Показать бы им „перелом"... шипит, отдуваясь от махорки, Михайло.

***

На забрызганом грязью форде с красным флажком стоит грудастая баба в черной кожаной тужурке, в красном повязанном сзади платке. В руках у нее газеты и портфель.

— Что они так плетутся! Показывает баба на колхозников. — Мне еще три колхоза нужно об'ехать...

Столпившиеся у автомобиля замахали руками:

— Скорей! Скорей!

Когда станичники подбежали к толпе, баба уже говорила. Голосище у нее был здоровенный, с хрипотой. Свободно бросала она словами в колхозное быдло, будто пригоршнями крутых плевков.

— Наступили дни и часы, решающие исход колхозной осени! Ваш колхоз, преступно затягивает ударную пропашку!.. Всех дезорганизаторов — к ответу! Ударьте по кулакам и опортунистам!.. Сегодня вы должны выполнить то, что осталось от первых трех дней, а завтра к полдню ваша бригада с трудовым знаменем впереди пусть войдет победоносно с фронта труда в свою станицу!.. Всем, кроющимся между вами понижателям кривой пропашки, всем лжеударникам напоминаю, что диктатура трудящихся имеет достаточно силы очистить колхоз...

Егору стало как то не по себе. Он оттянул узел платка, которым была повязана шея и который ему сейчас казался не платком, а остро впившейся в шею веревкой. Оглянулся — за ним стоял чекист. Совершенно растерявшись от страха, Егор глупо ухмыльнулся „товарищу чекисту", но тот сделал вид, что ничего не заметил.

Егор уже не слыхал, что дальше говорила грудастая баба. Все его нервы, все чувства были сконцентрированы на том, что стояло за его спиной.

— Случайно это или нет — тоскливо шевелилось в похолодевшем мозгу Егора.

— А что, если не случайно?... Тогда я — смертник... холодная дрожь колкими мурашками рассыпалась по всему телу Егора, а откуда то из прошлого влетела в мозги завертелась там:

— „Наши храбраи кубанцы
Под Кукан город идут!..

Баба прочитала что-то из газет, на что колхозники заорали: „Долой!" и запели „интернационал". — И у Егора из пересохшего горла скрипучим тенорком выпихнулось:

... Весь мир голодных и рабов..."

Хотя ему самому казалось, что это проскрипел кто то другой, а что сам Егор громко поет:

— Наши храбраи кубанцы
Под Кукан город идут...

Напинаясь, будто на плечах у него стопудовая тяжесть, Егор оглянулся: чекиста не было. Грудастая баба разговаривает с кучкой ударников. В палатку пронесли на сковороде шкворчащую яичницу... Колхозники начали расходиться. Потащился за ними и Егор...

Еще ниже нагнулся над букарем и не отрываясь смотрит Егор на узкую полосу земли, что черной лентой взбирается на лемеши и податливо, слишком поспешно запрокидывается.

Чувство гадливости, смешанное с неоправдываемой, но оттого еще более острою злобою, полынной горечью дурманит душу.

Будто невесту свою нашел на дороге — изнасилованную, бессрамно оголенную, облапанную, в засос зацалованную слюнявыми ртами... и — невиновную, но уже не невинную, и сам помогает насильникам мять ее податливое, бесконечно дорогое, но и навеки пропавшее тело...

— Иная была раньше наша степь, думает Егор. Другая была степь...

Вспомнил он:

... Солнце еще не взошло, но вся восточная сторона неба уже полыхала степовой зарею. Был момент, когда на траву невидимо падает роса, а перепела, точно ошалев от любовного напитка, сладострастно зазывают своих перепелок; когда белокрылые шулпеки тревожно облетают терновые заросли, как-бы выбирая место, где-бы осталась ночь и среди бела дня; когда из высокого пырея там и сям взвиваются ввысь стрепета и, замерев, чуть трепеща кончиками крыльев — камнем падают в траву: токуют. А черные коршуны, ястреба, кобчики, сокола реют над степью, то бросаясь вниз, то с пронзительным писком взлетая вверх с извивающимся в когтях желтопузом или с черезчур увлекшимся перепелом...

На редких, Бог знает когда и кем накошенных стогах слежавшегося сена, уже видны холодно спокойные фигуры орлов, зорко наблюдающих за птичьей мелкотой...

Егор высунул голову из под бурки. Чихнул.

— Поснулся? спрашивает его дед.

— Проснулся... а где это мы?..

— Далеко.

Егор, удовлетворившись ответом деда, не вылезая из-под бурки, протягивает руки к возжам:

— Ну, ну — правь ты, а я посмотрю, где пырей почище.

Пара светло-гнедых строевых складно идут по едва заметным колеям ленты, а впереди, целиной, будто плывет в высокой траве жук, рыжий с лысиной через весь лоб жеребец.

Егор, причмокивая, полоскает возжами по гладким спинам коней; ежится от свежего утреннего воздуха.

— Сверни, говорит дед, — вон там самой пырей!..

— Почем знаешь?

— Стрепетов много токуют.

Проехав с полгона, остановились на чистой, без другой травки кроме пырея, прогалине.

Дед взял коня.

— Егорка, коней держи!

Размахнулся — вжик-шшш, вжжик-шшш... валится снопами высокий пырей.

Росистая трава пахнет свежестью и тем неопределенным запахом степи, от которого ширятся ноздри, часто и радостно б'ется сердце, от которого хочется глубоко, глубоко запустить руки в ворох травы, прижимать ее к груди и вдыхать, вдыхат...

Бросив на траву полсть, бурку, баклагу с водой, втиснув в траву (чтобы не опрокинулось) махотки с пышками и блинчиками, залитые каймаком, дед уселся спереди, взял возжи, чмокнул:

— Ну, пошел!..

Кони, неохотно отрываясь от травы, поплыли к ленте. Выбравшись на ленту, дед повернул налево, к Челбасам. Рыжий неук, оставшийся было на чистине несмотря на подсвистывание деда и зазывание Егора — „Кось! Кось!.. Кось!.." стрелой понесся, как только услыхал цокотанье хода по твердой дороге. —

— Вишь, как преть!..

— Хороший скакун будет... Только уж дюже злой.

Рыжий вынесся впереди хода и затопотал по ленте. Вдруг стал. Чудно как то заржал. Сейчас же зафыркали и запряли ушали гнедые, Жеребец, угнув голову вниз, понесся назад. Дед выхватил из чехла дробовик.

— Волк!

А огромный волк уже в каких нибудь в двухстах шагах наметом прет прямо на них. Дед выстрелил. —

Тю! Тю!.. Аха-ха!.. Аха-ха!..

Волк с разбега стал, ткнулся мордой в землю, буд-

то у него разом сломились обе передние ноги. И — в два прыжка скрылся, в траве, подбираясь к тернам.

— Попал? Едва дыша от волнения спрашивает Егор.

— Дробь мелкая. Кабы покрупнее досталось бы серому...

Долго еще кони пофыркивали, прядя ушами и вздрагивая. И рыжий неук, как бы извиняясь за свое озорство, прижался к левому „Федорову" коню...

— Ишь, напужался?!.

Выбравшись на водораздел Кубани и Челбас, кони легко побежали по ровной как стрела ленте, почти не натягивая постромок.

Солнце порядочно уже припекало, а степь, точно ей нет ни конца ни края, волновалась, как море, поблескивая метелками ковыля.

По крутому откосу спустились в Крахину Балку и по едва приметной дороге поехали около самых камышей.

Вскоре между камышами начали появляться прогалины воды, полузаросшие шамарою. Сотни уток и нырков барахтались, плавали по тем прогалинам. Потом камыши собрались в узкую ограду, а по средине осталась одна вода. Балка развернулась в долину, берега стали круче и вот за широкой водной степью показалась гребля.

От гребли до самых Челбас протянулась широкая извилистая лента камышей, таинственных, немирных, вечно о чем то шепчущихся. Настоящее царство уток, гусей, болотных курочек, чибисов, цаплей...

Сейчас же за греблей, близ ключей холодной как лед воды, — тырло.

С высокой гребли Егору хорошо было видно несколько отар, уже начинающих сбиваться овец. В разных местах четыре арбы с пучками ковыля на длинных ярлыгах, а у самых ключей — баз, огороженный камышевым плетнем...

Навстречу им с хриплым басовым лаем кинулось несколько огромных волкодавов. Но сейчас же Егорка услыхал какое то чудное подсвистывание, моментально усмирившее псов... из под арбы поднялся лычман Шамрай.

Для Егора Шамрай — мудрейший человек на свете! Сколько у него на поясе всяких „склянок", пузырьков, завертков, щипцов, помасков, рогов!.. Чего, чего только нет у него на его широком поясе!..

... Сейчас нет там ни тырла, ни овец, ни — Шамрая. Не слыхать гоготанья уток, ни жуткого гуканья выпи... Перевелись камыши и сама Крахиная балка почти что пересохла...

А у ключей, где когда то погиб в схватке с черкесами герой Крахни — стоят „полевые кухни" колхоза „Красная борозда"...

... Как автомат ходил Егор за букарем почти день за днем, вспоминая свою прежнюю жизнь. Точно на кинематографическом полотне пробегало перед ним его обычное казачье прошлое: работа в степи, работа в саду, посиделки, скачка, лагерные сборы, 4-хлетняя действительная... Война, госпитали и опять война... Может быть необычайно было у него лишь то, что он с войны привез себе жену. Было это в Яворове. Случайно в одной полуразрушенной, обгорелой халупе нашел обезумевшую от бомбардировки и грабежа полячку — Веру. И сам уж не знает, как это случилось, — влюбился Егор в синеокую полячку и — „эвакуировал" ее на Кубань... Потом митинги, комитеты, большевики — восстание. Одарюкова „амнистия" и „Второй поход" в Улагаевском баталионе... Доброволия. Черноморское побережье. Сдача. Издевательства красных и подвалы, подвалы... И наконец: сплошная черная клякса подлой жизни под советами... Голод. Отчаянная борьба за голую жизнь, за семью, борьба, требовавшая невероятной изворотливости, присутствия духа, порой преступлений... борьба в атмосфере подлейшей лжи, доносов, вечного животного страха и, наконец, колхоз: последний грабеж и рабство...

Заграницей — дядя... Убежать бы к нему?.. О том он думал часто. Но как? Сам то еще кое-как и пробрался бы... А Вера? а дети?..

Егор живо представил себе меньшую дочурку Катю, у которой огромные синие глаза и такие печальные, что у Егора буквально переворачивалось сердце в груди, когда бывало, взяв ее на руки, тихо спросит:

— Катя, ты голодна? У тебя болит что?.. А она, вскинув своими длинными ресницами, не моргая, установится на нем:

— Нет, папа... Только боюсь я... Страшно боюсь...

И будто ожидает от него какого ответа, какого то раз'яснения, какого то „взаправдишного" утешения, надежды, — чего у Егора не было.

Мучительнее же всего было то, что (Егор это чувствовал) она сама знает, что никакого ответа, никакого раз'яснения, никакого утешения нет и что и у отца в душе тот же страх, та же неизвестность, та же тоскливая безнадежность обреченных...

***

Ни в четвертый день колхозу „Красная борозда" не удалось поднять кривую. А начавшийся около трех часов мелкой изморосью дождь, вскоре превратившийся в косой, хлещущий ливень, и совсем опустил кривую книзу. Бригадир бесновался в своей палатке, сыпал матом и оплеухами на всякого, кто подворачивался под руку.

Колхозники сами, не ожидая приказания, бросили лошадей там, где их застал дождь и разбрелись кто куда. Егор, воспользовавшись общим разбегом, отправился домой.

Боясь разговоров с попутчиками, он пошел напрямки, через заросли терновника, который каким то чудом появлялся и там, где его раньше никогда не было, и медленно, но верно отвоевывал от большевиков кубанские пахотя.

Будто камень свалился с плеч — выпрямилась спина Егора, когда он оказался среди тернов, далеко от колхоза и колхозников.

Казалось ему один момент, как будто и нет никаких колхозников. И сам он — прежний Егор Клушин — вольный казак на своей вольной степи, где даже волк был бы ему другом!.. Лишь бы не видеть этих красных чертей — колхозников, чекистов, бригадиров!.. одним словом — всей этой „Рассеи"...

Пробило 10 часов, когда Егор подошел к с в о е м у дому...

— Да разве же это е г о дом, где нет ни одного не обысканного кутка, ни одного вершка стены, потолка и пола — неперекопанного десятки раз; в котором сгрудился страх; в котором он себя чувствует оголенным, выставленным на глумление и смерть не только каждому чекисту, но и каждому колхознику...

— Мой дом... с горькой иронией усмехнулся Егор.

— Да разве я уверен, что сейчас найду в нем своих, а не какие нибудь комсемьи новых колхозников, прибывших из России?..

Егор потихонько постучал о ставни. Тишина. Постучал еще — таже жуткая тишина. Слышно только плесканье воды, стекающей из развалившихся труб прямо по стенам дома... Постоял еще с минуту, кашлянул. И сейчас же, из за ставни услыхал тревожное Верино:

— Ты?..

— Сама?..

— Да. Сейчас отворю...

***

В темном чулане Вера стянула с Егора мокрую одежу, а т. к. „смены" не было, дала ему свою юбку и кофточку, сама же осталась в одной рубашке.

— Был ли кто нынче? Усаживаясь на низенький стульчик, спрашивает Егор.

— Нет. А что?..

— Бригадир что то косится... Да и чекист, что из крайкома с делегаткой приезжал, как будто „интересуется" мною...

Вера побледнела.

— Ну, ты не бойся. Может это мне так показалось.

И Егор рассказал, что было на „Красной борозде".

В прежней столовой Егора Клушина сейчас не было решительно ничего напоминающего столовую: почти половину комнаты занимала не беленая печь, которую Егор слепил тут прошлой зимой; у простенка, между двумя четырехугольниками полусгнивших ставень,

стоял низкий „чеботарский“ стол; около него два триногих „стульчика“.

Исковыренные, с облупившейся штукатуркой стены, почерневший от дождей потолок столовой и — множество самых разнообразных цветов в горшках, ящиках, разбитых эмалированых посудинах, что стояли на полу, на подоконниках, на печи, на подвешенных под потолком двух досках — делали ее похожею не на столовую, даже не на жилую комнату, а на запущенную кухню садовника, который стащил сюда из господского сада все, что не может перезимовать на открытом месте.

Вера была страстная любительница цветов и эту свою страсть передала и детям. В особенности младшей дочке — Кате.

Егор вначале немного бунтовал против „цветочницы“, но когда убедился, что разводить, холить цветы — единая ее радость, единое развлечение — помирился и даже сам в свободные часы помогал жене.

В первые годы, да и почти вплоть до коллективизации, цветы не только украшали дом и садик Клушиных, но можно сказать и кормили их, т. к. Вера почти ежедневно продавала целые охапки цветов на базаре или в домах знатных коммунистов.

Наскоро поев вареной пшеницы, Егор пошел спать в „спальню“, т. е. такую же ободранную, равным равно не беленую комнату, как и столовая, с тою лишь разницей, что здесь цветы были только на подоконниках. Около стены, обращенной к двору, стояла кровать — вывороченные из забора доски на чурбанах. В углу на тряпье спали дети: семилетняя Анюта и шестилетняя Катя. Егор, думая что дети спят, тихонько наклонился над ними, а две пары ручонок уже протянулись к нему, ухватили его за шею...

— Вы не спите?

— Нет.

— Чего-ж вы не спите?

— При-дут... раздельным шопотом отвечает Катя, прижимая к своей груди голову отца.

— Никто к нам не придет, детки. Ведь у нас уже нечего взять...

— Как нечего? а — тебя?!.

Егор слышит, как б'ется ее сердце: то часто и четко, будто оно вот тут, сейчас же под кожей, то редко и глухо, будто откуда то издалека. И опять почувствовал из-за своей спины чекиста, который сверлит его затылок двумя холодными, как дуло нагана, лучами серых, прищуренных глаз. И уже не сомневался что они действительно придут...

Тихонько высвободил голову от вдруг обмякших рук Кати и ничком лег на кровать, уткнувшись лицом в соломенную подушку:

— Придут... придут... придут...

Погасив коптилку, Вера молча улеглась между детьми.

За стеной хлюпал дождь...

***

Клим Иванович Мухин слыл в станице социалистом еще до 1905 года. А социалистом он прослыл за то, что на Рождество у него на столе вместо жареного поросенка с кашей была рыба, а на св. Николая, когда каждый правоверный станичник, постил, об'едаясь сулой и осетриной, — у клима Ивановича подавался поросенок с кашей... Во всем остальном он мало чем отличался от других зажиточных иногородних, родившихся на Кубани и породнившихся с казаками.

Конечно, как „социалист“, Клим Иванович разносил попа и критиковал начальство, но — очень осторожно и за то, кроме легкого подозрения к своей „деятельности“ со стороны участкового, никаких неприятностей за время царизма не имел.

В наступившие дни „гражданских свобод“ головы не потерял и, искусно маневрируя между казаками и иногородними, имея стаж „старого социалиста“, выдвинулся в нововременские начальники, как представитель „бедняющих“.

Мужичьей сметкой он предугадал победу большевиков и своевременно (не слишком рано, но и не поздно) определился за власть „серпа и молота“.

И сделался комиссаром одного очень важного в Кубанском к|ае пункта.

С переустройством советской администрации переустраивался и Клим Иванович, никогда не опускаясь ниже по советской чиновничьей лестнице, а к моменту сплошной коллективизации и перехода на колхозное хозяйничанье оказался на высоком посту в райкоме.

Свой не дурной и довольно вместительный домик Клим Иванович заблаговременно „уступил“ партклубу — сильнейшей в местечке организации комжелезнодорожников, а сам со своей Марьяной поместился в реквизированном доме купца Хачмасова. Здесь же была и его канцелярия, в которой он решал особенно секретные дела.

От природы добрый, а выросший в условиях обеспеченной казачьей жизни, Клим Иванович, насколько мог помогал казакам. Не один пуд станичных архивов он пустил в трубу, сжегши „контреволюционные“ следы многих станичников.

А сейчас в целом райкоме он был единственным старожилом, живой энциклопедией по всем персональным и материальным вопросам района.

Клим Иванович сидел в канцелярии, перелистывая бумаги. В дверях, прислонившись плечом к косяку, стоял здоровенный малый, глухонемой „уборщик“ кабинета председателя местной чеки, служивший в то же время и секретным посыльным.

Не торопясь прочитывая „дела“, Клим Иванович время от времени поглядывал из под своих надетых на кончик носа очков на чекистского уборщика.

— В старину „держиморда“ был... а теперь мозгами и кровью воняет, думает Клим Иванович.

— А однако без него, без таких, как он, — нельзя: в советской машине он — важнейшее колесо. Здробит кого хочешь... Даже... даже и его, Клима Ивановича... если столкнут ему в подвал — для уборки...

Клим Иванович представил себя, свое тщедушное тело в лапах этой глупой гориллы и — вздрогнул: в поле круглых очков едва держащихся на кончике носа он увидал имя своего крестника, Егора Клушина. Быстро оправившись, внимательно прочитал извещение чеки о необходимости ликвидации лжеударника колхоза „Красная борозда“ Егора Клушина.

Клима Ивановича не то чтобы встревожило особенно это извещение. Но оно было неожиданно:

— Как это он еще уцелел?..

Покойный дедушка Егора был когда-то его закадычным другом. Вместе пчел разводили. Попов высмеивали и нелегальные брошюры читали... А Егор?..

Клим Иванович вспомнил его детство. Женитьбу. Его политическую физиономию...

— Как это он уцелел до сих пор и что делал последние годы?..

— Егору нужно помочь, заключил Клим Иванович и написал на извещении:

— Не убирать, пока не опрошу лично.

Потом сложил бумаги в кожаную торбу, замкнул ее своим ключем и вручил глухонемому чекисту.

(Продолжение следует).

Вероніка Михалевич.

* * *

Подивіться: хіба ще не час?
Ще не сповнилась чаша до краю?
Хіба кров ще не випили з нас
У совіцькім розхрістанім раю?

Подивіться: вязниці — там наші брати
Свою долю гірку проклинають...
Ох, дивіться! Червоні кати
З наших жил нам кайдани сплітають...

Антонина Козлова. *(Скоплье).*

ТОСКА ПО РОДИНЕ.

Я шлю Тебе, Земля Родная,
Последний мой привет...
Судьба нас разлучила злая
На много, много лет...
Как жизнь моя здесь одинока!..
Надежду стала я терять,
Страдая долго и глубоко...
Я так хотела-б повидать
Хотя бы издали станицы,
Урал родимый посмотреть...
Кукушкой, горемычной птицей,
Над ними раз бы пролететь...
Но, нет!.. Мечта мечтою будет!..
Не быть мне птицей никогда...
Изгнанник свой язык забудет —
Его преследует судьба...
Весною раннею казарки
В страну родную полетят —
Проводит их печальный, жалкий
Мой взор, в нем слезы заблестят...
Ах, так пройдут лета младые,
Угаснет молодость, любовь,
И люди здесь совсем чужие
Остудят в жилах мою кровь...
Пусть телу бренному в могиле
Смерть даст заслуженный покой —
Душа же — там, где Край мой милый,
Омытый синею рекой...

6-IX-1932.

Kozáci a kozácká otázka.

Kozáci byli jedním ze čtyř slovanských národů, z nichž se skládalo staré ruské mocnářství (Velkorusové, Ukrajinci, Bělorusové, Kozáci).

Kozáci, ztrativší před dvěma sty lety svoji samostatnost, nastupují nyní opět cestu svého národního obrození, cestu boje za osvobození a za obnovení své svobody a státní samostatnosti.

Tuto otázku položili sobě rozhodně a neochvějně aby dosáhli žádoucího cíle.

Trpíce ve vlasti pod nesnesitelným okupačním sovětským jhem rudé Moskvy i trpíce zde ve vyhnanství všemožnými nedostatky mravními i materielními, nežádáme nikoho cizího, aby se šel bezprostředně bíti za naši ideu. Za své osvobození, za svůj osud, za svoji budoucnost bojujeme a budeme bojovati především my sami s těmi přirozenými spojenci, kteří právě tak jako my zápasí za své vymanění z útisku rudého imperialismu.

Nicméně potřebujeme určité pomoci. A jestliže o ni žádáme, nečiníme tak pouze ve vlastním zájmu, ale také v domnění, že i mnohým jiným národům nebude lhostejno, čím a jak skončí na území S. S. S. R. boj za národně-státní osvobození národů Sověty ujařmených.

Odhodláváme-li se k tomuto odpovědnému kroku, neděláme ho nerozvážně a jestliže v pomoc doufáme, tedy nejen proto, že počítáme se sympatiemi pro sebe, nýbrž i z důvodu hlubokého přesvědčení, že trvání aktivně imperialistického S. S. S. R. s jeho vykupitelskou domýšlivostí o přetvoření světa po novém vzoru moskevském i jeho vláda nad mnohými národy nepřináší nyní ani nepřislibuje v budoucnosti přinésti blaho druhým národům, kteří dokonce mnohdy se snaží chrániti se před ním dvojnásobnou čínskou zdí.

Jaké pomoci jest nám tedy zapotřebí? Především mravní.

Svět ví o Kozácích velmi málo. A i to, co o nás ví, často neodpovídá pravdě, neboť čerpá znalosti z druhé nebo třetí ruky, z pramenů, v jejichž zájmu jest neříci vždy o Kozácích pravdu. Nyní však mluvíme my sami o sobě a za sebe.

Nebudeme se rozepisovati o nadlidských zkouškách našeho národa od sovětské okupace, ani o nesmírných útrapách ve vyhnanství — nehodláme nikoho unavovati svými strastmi, ale chtěli bychom zde jenom říci o svém dějinném osudu i o svých snahách — o svém zápase za svobodu i své tužbě žíti tak, jak žijí jiní národové. Chceme sami říditi svůj dějinný osud — svou přítomnost i budoucnost... Také my chceme býti slyšeni a správně pochopeni.

Kozáci pocházejí z oněch slovanských kmenů, které v době, kdy se na Dněpru tvořila Kijevská Rus a později Moskevský Stát na lesnatém severu východní roviny evropské, sídlely na stepích mezi Volhou a Donem a na březích moře Azovského a Černého.

Rozloženi na „Velké cestě" z Asie do Evropy, po níž prošlo mnoho velikých i malých národů — hlavně z východu na západ — Slované azovští (stepní) přijali dosti türkské krve.

Kozáci odvozují svůj vznik od těchto stepních slovanských kmenů.

Neustálé nájezdy asijských národů (türkských i mongolských) značně zadržely vývoj státotvornosti našich předků. Přece však během XIV. a XV. století vznikly kozácké republiky na Donu a Dněpru, které

samostatně trvaly v XV., XVI. a XVII. století.

Koncem XVII. století hranice Moskevského Státu se posunula k mezím kozáckým a tím zahájena byla ponenáhlá expanse moskevských a později petrohradských carů směrem na kozácká území.

Rozhodnou ránu zasadil Kozákům Petr I. v roce 1708 podmaněním Donu. Od té doby ztrácejí Kozáci svoji státní samostatnost.

V roce 1775 zničila Kateřina II. republiku Záporožských Kozáků, kteří pak přesídlili na Kubaň.

Nicméně Kozáci po ztrátě své samostatnosti, i když připadli k ruské říši, neztratili najednou veškerých svých autonomních práv. Téměř dvě stě let trvalo likvidování autonomních politicko-státních práv kozáckých zemí a rovněž tak dlouho kladli Kozáci odpor této politice ruské vlády.

Ještě do začátku revoluce roku 1917 uchovali si Kozáci zbytky svých autonomních práv a nesplynuli s obyvatelstvem ostatní části říše.

Proto tedy s příchodem roku 1917 Kozáci rozšířili svoji samosprávu na státní samostatnost a vybudovali státní zřízení, opírající se o vůli obyvatelstva jiných krajů. Jakmile pak vládní moci v Rusku zmocnili se bolševici, prohlásili své úplné odpadnutí od Sovětského Ruska.

V letech 1917 a 1918 utvořily se fakticky i právně republiky Donská, Kubáňská a Terská. Podobný vývoj udál se i na Urale, u Kozáků Orenburgských, Astrachaňských a rovněž i u Kozáků sibiřských.

Ukázalo se však, že politika ruské revoluční sovětské vlády zachovala se vůči Kozákům hůře, než politika staré vlády carské. Bolševici zaujali nepřátelské stanovisko proti kozáckým republikám. Na neštěstí stala se situace Kozáků značně složitější jednak tím, že se do politiky Kozáků vmísili předáci „bílých", t. j. generálové Děnikin a Wrangel, jednak tím, že některé velmoci neuznaly snah Kozáků a podnikaly vše, aby branných sil kozáckých bylo použito v zájmu ruské protirevoluce.

Tím se stalo, že zatím co ruský národ jako celek podporoval sovětskou vládu, Kozáci, aniž by to bylo jejich vůlí, ocitli se osamoceni proti veškerému Sovětskému Rusku. Porážka byla nevyhnutelná a také se dostavila.

Tento pád zanechal u Kozáků nejen pocit hořkosti vůči těm, kteří pomohli k této jejich porážce, ale ukázal též názorně mnohým rusofilům ze středu Kozáků, že blaho kozácké vlasti může býti navráceno jen cestou separatismu a samostatnosti.

V přítomné době jest naše vlast obsazena bolševiky. Hrozná jest tato vláda rudé Moskvy v našich zemích a nemilosrdná jest ke všem svým protivníkům. Nehledě k tomu, národní cit Kozáků se probouzí a roste. Žádnými násilnými prostředky již jej nepotlačí.

Jednak stále tam trvající hrůzovláda okupačních úřadů, jednak dvojí čínská zeď, kterou moskevští vládci postavili mezi svoji říši a celý ostatní svět, vložily na nás, kozácké emigranty, svatou povinnost pozvednouti svého hlasu k celému vzdělanému světu na obranu své země a svého národa. My, kozácká emigrace, která nepřervala pouta spojující nás s vlastním národem a jeho tajnými sny a tužbami, pokračujeme v boji za svobodu, započatém v roce 1917 a béřeme na sebe zodpovědnost státi se mluvčími kozáckých snah před vnějším světem.

Chceme dosáhnouti porozumění a pomoci a přejeme si především, aby svět se o nás, Kozácích, informoval od nás samých.

Málokomu jest na příklad známo, že známá hesla francouzské revoluce XVIII. století — rovnost, volnost, bratrství — byla již dávno před tím uskutečněna u Kozáků jako základní pravidla, na nichž byl vybudován život v kozáckých republikách.

Za našich časů, po pádu ruského carismu, založili Kozáci své republiky také na základě těchto principů. Avšak ruští bolševici, největší a nesmiřitelní to nepřátelé svobody a „sentimentálních měšťáckých předsudků" opět připravili Kozáky o svobodu.

Tím však vůle Kozáků není zlomena a hlas kozácký neutichl. Ve VLASTI udušen, ozývá se nyní kozácká emigrace, která vzala na sebe úkol veřejně prohlásiti program Kozáctva, pověděti světu o původních snahách za osvobození a státní samostatnost Kozáků a vésti zápas za uskutečnění kozáckého programu. Tohoto úkolu podjala se kozácká emigrace, shromážděná ve hnutí „Volné Kozáctvo", jehož propagačním orgánem jest v Praze vydávaný list „Volné Kozáctvo".

Jaký jest program kozácký, program Volného Kozáctva?

Program Volného Kozáctva — program Kozáků-separatistů, jest zcela jasný:

O s v o b o z e n í území a obyvatelů všech zemí evropských Kozáků — donských, kubaňských, těrských, astrachaňských, uralských, orenburgských a kalmyckých — z poddanství S. S. S. R. a R. S. F. S. R. a u t v o ř e n í z t ě c h t o z v l á š t n í h o s a m o s t a t n é h o, n e z á v i s l é h o k o z á c k é h o s t á t u — KOZÁCKA.

Program tento není nový. V letech 1917—20 stavěli Kozáci otázku zřízení kozáckého spolkového státu celkem čtyřikráte, ale pokaždé vnější živly, Kozákům cizí, překážely jejímu uskutečnění.

Jak by vypadal nový sjednocený stát K o z á c k o?

Území šesti Vojsk evropských Kozáků a kalmycké oblasti zaujímá rozlohu asi

870.000 km. Na území tom žije skoro 11,000.000 obyvatelů.

Nechceme unavovati čtenáře tohoto krátkého článku podrobnostmi rázu historického, zeměpisného či hospodářského a poukazujeme těm, jež to zajímá, na výsledky zvláštních bádání a publikací. Můžeme zde jen zdůrazniti, že mimo vůle Kozáků státi se samostatnými, data dějepisná, zeměpisná a hospodářská jsou důležitými doklady v rukou Kozáků pro zakládání vlastního státu.

Takové jsou snahy Kozáků.

Vystupujíce s tímto programem před vnější svět, vyjadřujeme své přesvědčení, že kozácký program tentokráte najde u jiných národů pravé porozumění a že vzbudí upřimné sympatie přátel civilisace, práva, spravedlnosti, pořádku, svobody a pokroku.

Ty ale národy, které mají za to, že dějinný osud Kozáků jest pro ně lhostejný a na jejichž pomoc tudíž počítati nemůžeme — ty bychom chtěli aspoň varovati:

Nepomáhejte našim nepřátelům, nepomáhejte našim utiskovatelům, **oni jsou i vašimi nepřáteli...**

Чужинец.

Основание Оттоманского казачества (1853).

(Идея вольного казачества в XIX веке).

Мих. Чайковский пробыл послом „белой" польской эмиграции в Константинополе около 10 лет. За это время, с помощью умной и энергичной жены своей Людовики Снядецкой (дочери профессора виленского университета он укрепил и расширил свои связи и в среде высшего турецкого чиновничества и иностранной (главным образом, французской и английской) дипломатии в Стамбуле. Это положение неофициального посла польского претендента, а равно деятельность Чайковского, не могли нравиться Николаю I-му. После многих настояний русского посольства Николай I написал, наконец, личное письмо султану, требуя от него высылки Чайковского и многих других поляков из Турции, а от французов потребовал лишения Чайковского французского паспорта. Противиться этому требованию соблюдая легальность, хотя бы видимую, было трудно. Тогда был изобретен выход, давший возможность Чайковскому оставаться в Турции и продолжать его работу. Он должен был принять магометанство, стать турецким подданным и перейти на службу султана. После некоторого колебания он пошел на это, получил новое имя Мехмед-Садык, 60.000 пиастров ежегодной пожизненной пенсии и небольшое поместье.

Факт этот произошел в 1850 году. Он произвел на польскую эмиграцию отрицательное впечатление. Ей не нравилась позиция Чайковского и раньше. Во время венгерского восстания 1848-9 гг. он высказался против участия поляков в нем. Когда при помощи русских войск, Венгрия приведена была к повиновению императору австрийскому, а польские легионеры бежали из Венгрии в Турцию, Чайковский предложил устроить на Дунае польские поселения, организованные по казачьи, но советники кн. Ад. Чарторыйского — кн. Замойский и ген. Высоцкий горячо высказались против этого, видя в этом плане нечто противное и религиозным и национальным польским традициям. В плане Чайковского видели они „увлечения романтического писателя казачьих повестей" (uniesienia romanso-pisarža powiesci kozackych"). Переход Чайковского в масульманство был истолкован Замойским, как измена национально-религиозным идеалам и повел к разрыву, в конечном счете, кн. Адама Чарторыйского с Садык-пашей.*)

Оставшись одиноким, Чайковский стал самостоятельно продолжать ввою „акцию" на Востоке, сохраняя — по возможности — созданную им сеть агентов „связи" с казаками в Добрудже и в Мал. Азии. Между тем события приняли серьезный оборот, столкновение России с Турцией стало неизбежным, и перед Чайковским открылось новое поле деятельности.

Мысль Чайковского совпала полностью с мыслями великого польского поэта Адама Мицкевича, который в начале Крымской войны высказал мнение, что польская эмиграция представляет материально ничтожную величину, но — в моральном отношении — является силой, „способной привести в расстройство российские армии и уменьшить могущество этой державы"... „Не говоря о поляках, вкрапленных в ряды российских полков, в состав армии входят „русины", литвины, казаки и представители других народностей, населяющих эту грозную империю. Все они питают симпатию к полякам и немедленно выступят, как только увидят поляков, работающих над делом их освобождения".

„Для привлечения этих народов на свою сторону поляки должны предоставить им выступить каждому со своими собственными национальными символами, т. е. под своими национальными знаменами". Из держав, способных наиболее разделить русские силы, ослабить их, наконец, окончательно разложить их, а затем и способствовать максимальному раздроблению территории Российской Империи, Мицкевич на первом месте ставил Турцию и Швецию. Удар со стороны Риги должен был отколоть от России и Финляндию, и балтийские провинции, а удар со стороны Кавказа — имеет тот же результат в отношении Закавказья, Северного Кавказа и Казачьих земель.

Планы свои Мицкевич пытался внушить и землякам, мечтавшим по шаблону о польских легионах и о восстании Польши (1853), а также союзным державам („нота" Мицкевича от 20 июня 1855 г.).*) Однако, этот план не заинтересовал поляков и испугал англичан, боявшихся революции, т. е. пробуждения национальных сил.

Мысли Мицкевича о Кавказе, казаках, Украине и об Юге России вообще, были присущи и Чайковскому. К ним он пришел самостоятельно, и сразу же приступил к их осуществлению. По его мнению надо было создать ядро, к которому могли бы затем присоединиться постепенно казаки Российского Государства, дать казачеству образчик вольной казачьей организации под протекторатом Султана. Таким ядром должно было стать Оттоманское казачество, территориально разделенное, но административно об'единенное под властью единого вождя — наказного атамана оттоманских казаков.

Чтобы создать видимость народной инициативы, идущей притом из самой России, Чайковский пустил в ход фантастический и, надо сказать правду, не существовавший в природе „комитет Украины и Бессарабии". В Стамбуле существовало маленькое учреждение, носившее громкое имя „казачьей канцелярии". Это не было турецким „главным управлением казачьих войск", а маленьким „участком" гор. Стамбула, в котором разбирались споры приезжавших в столицу казаков, главным образом, некрасовцев по базарным делам их с турками. „Директором" канцелярии был Берко Давид,

*) Чайковский „Born", „Рус. Стар", 1900, № 8; Bieliński „Polacy w Turcyi po upadku rewnlucyi Wegerskiej w roku 1849", Poznan, 1852, s. 44.

*) Rawita Gawroński „Studya i szkise historyczne". Lwów, 1903, I. s. 180; „Knzaczyzna w Turcyi", s. 242-245.

знавший языки, говоривший также и „по казачьи“ (казак-чэ). Турки не хотели называть язык некрасовцев (великорусский) и язык бывших Запорожцев (украинский) — русским, и звали оба языка „казацким“.

Этот Берко Давид внезапно принес Решид-паше пакет, якобы привезенный из Кишинева двумя казачьими купцами (т. е. некрасовцами). В пакете было два документа, писанных по русски с печатью „Комитета Украины и Бессарабии“. Чайковский присоединил французские переводы этих документов.

Первый — был адрес к султану о присоединении (инкорпорации) Турцией Украины, как казачьей ленной земли, с правами и привилегиями, какие были гарантированы договорами П. Дорошенка, Ив. Мазепы и Ф. Орлика с предшественниками Абдул-Меджида, или же с правами и прерогативами Молдавии и Валахии. Авторы адреса просили о вступлении (турецких) казаков на левый берег Дуная и позволении им избрать гетмана, которого утверждал бы султан и который бы возглавил движение в Бессарабии и на Украине. Под адресом были „подписи известнсх лиц, находившихся в России с именами и званиями“.

В особом мемориале было изложено, что казаки Бессарабии и Украины не хотят присоединения их к Польше вледствие разницы в религии и памяти о прежних преследованиях“.*)

Чайковский подал с своей стороны, мемориал, адресованный самому султану о необходимости придать войне с Россией характер войны за освобождение народов, создать особое „войско“ из казаков и татар, призвать к восстанию всех подвластных России горцев Кавказа („черкесов“) и христиан.

Решиду-паше Чайковский писал, что так как с 1828 г.**) ни одним (султанским) фирманом Войско Запорожское не было уничтожено, то легко сформировать полк из поляков и других славян, которые запишутся в списки Запорожцев с правами и обычаями этого войска. Присоединив сюда сторо-кубанцев (малоазиатских некрасовцев) и казаков Добруджи, можно было бы оказать влияние на украинских и других казаков и составить кадры настоящего исторического и богатого традициями польского войска. Последнего, т. е. желания восстановить Войско Запорожское, как часть войск польских, Чайковский туркам не сообщил.***)

Однако, он не скрыл, что в интересах турок привлечь выдающихся польских офицеров в турецкую армию. По его указанию Мехмед-Али-паша (зять султана) вызвал ген. Хржановского для командования сосредоточиваемым в Батуме корпусом, цель коего был удар на Имеретию, Мингрелию, Кавказ (в корпусе должны были быть черкесы и иностранцы-добровольцы): полковника Кароля Ружицкого (бывшего тестя Чайковского и начальника повстанческой волынской кавалерии 1831 года) — для организации „оттоманских казаков“ и командования авангардом турецких войск на Дунае; полк. кн. Замойского и Быстржоновского в штабы армии (в Румелии и Анатолии).

Зная уже о согласии султана на организацию „оттоманских казаков“, Чайковский созвал (10 ноября 1853 г.) многих из живших в Стамбуле поляков, прося их вступить в казаки.

— „Не смущайтесь названием казаков, — сказал он по словам Кл. Пржевлоцкого*), ибо оно является только прикрытием (plaszczem) от иностранных правительств польской организации, а для нас — поляков это будет организация чисто польская!“...

И, впоследствии много раз повторял Чайковский устно и письменно, что организованное по его инициативе оттоманское казачество это наследник польского Запорожского войска. 17 окт. 1855 г, (т. е. через 2 года) он писал кн. Адаму Чарторыйскому: „Формирование полков польских или казачьих под властью и и знаменем турецким согласно с логикой, с сердцем и с правдою исторической традиции: турки — прирожденные и непримиримые враги захватнической Москвы... Турция — единственное из государств, протестовавшее с саблей в руках против раздела Польши...

„Никто из поляков, кроме глупцов и иезуитов, не станет оспаривать того, что реестровые и запорожские казаки были могущественным войском Польши, основанным при Сигизмундах, упорядоченным при Стефане Батории... После Полтавской битвы, а потом — вторично — после первого раздела Польши, казаки, в большей части своей, с оружием в руках перешли в Турцию и заключили с Портою pacta conventa (договор): что за гостеприимство будут платить ей кровью против Москвы — и платили! — К тем казакам приходили другие, и таким образом осело казачество на турецкой земле. Это было войско Польши, вооруженное представительство Польши, в гостях у султанов“...*)

Чайковский подчеркивал также, обращаясь к полякам и южным славянам, что оттоманские казаки должны были стать связующим звеном между турками, поляками и славянами, особенно между двумя последними народами. Серб Авраам Петрович писал ему в это время, что созданный им (Мехмед-Садыком) отряд — „зародыш славянского войска, который будет служить султану и славянской федерации, которая образуется под верховным главенством турецкого султана“.**) Итак не только на Австрию 1900-х годов, готовы были некоторые энтузиасты славянской идеи возлагать надежды, как на возможный центр славянской федерации, но и на Турцию 1850-х годов. Это был своего рода оптимизм отчаяния, вызванный отвращением к идее российского панславизма, основанного на покорении всех славян единой власти самодержавного царя-обрусителя.

Итак, и в практической политике Чайковский оставался добрым польским патриотом, каким он был и в литературе, и в политическом теоретизировании. Историческое казачество должно было стать лишь формой, которая должна была наполниться польским содержанием. Это польская эмиграция усвоила нескоро и с превеликим трудом. К 1885 г. к этой мысли пришли постепенно и Мицкевич, и Ходзько, и Адам Чарторыйский. Мицкевич всеоб'емлющею душею поэта готов был воспринять и идею братского единения поляков со славянами (болгарами, сербами, хорватами) и поляков с украинцами и с казаками Однако это вступление на стезю казакофильства пришло не скоро и оказалось оно недолговечным.

Но для большинства польской эмиграции мысли Чайковского о казачестве, о создании польско-казачьего ядра в Турции, о создании федерации казачьих республик Юга России, — показались ужасной ересью, изменою национальному польскому идеалу, подобной той измене национальной религии — католичеству — которую совершил Чайковский, превратившись за 2 года пред тем в Мехмед-Садыка, в магометанина.

Тщетны оказались надежды Чайковского на генералов. Юзеф Высоцкий не только не поехал, но и издал (во Франции) „воззвание к эмиграции“,***) в котором с огорчением сообщал, что казаки „поделаны турками или набраны из разных народностей... Это может дать удовлетворение честолюбию нескольких человек, некоторых лиц, но не может принести никакой пользы ни Турции, ни Польше...“ Высоцкий не желал „об'единяться с авантюристами, имеющими личный интерес“. Он призывал эмигрантов к терпению, просил не бросать насиженых за 20 лет мест, не ехать в Турцию.

В особом „сообщении“, адресованном польским органам печати, Высоцкий заявлял, что „именуемое казаками и из разных народностей набранное Турецкое

*) Szpotański „Michał Czajkowski w Turcyi“. „Biblioteka Warszawska“ 1911, t. IV, zesz. 3, s. 471.

**) Когда Гладкий с Сечью Задунайской передался на русскую сторону. *Ч.*

***) „Рус. Стар.“ 1898, № 10, с. 172.

*) Przewlocki Klement, „Wspomnienia o organizacji Polako-kozackiej na Wschodzie“. Рукопись Польск. библ. в Париже, Ur. 399, zesz. I, s·2 (неопублик.).

*) „Kazaczyyna“, Paryż 1857, s. 266-267.

**) Письмо Чайковского к Немоевскому из Константинополя 28 июня 1872 г., „Bidlioteka warszawska“, 1911, grudz. s. 473; „Рус. Стар. „1900, № 12 с. 733; 1898, № 10, с. 188.

***) „Odezva do emigracyi“, 25 мая 1854 г. Рукописи Музея Ад. Мицкевича (в Париже), № 876.

казачество не имеет никакого отношения к Польше и к нему, Высоцкому".*)

К. Ружицкий, на которого возлагал такие надежды Чайковский, не поехал в Турцию организовывать казачество и вести его против России. „Но ведь, он знал же, — писал позже Чайковский — что то войско старой Польши, которое после разделов сохранилось под покровительством султанов, и трудно допустить, чтобы его так мог ослепить религиозный фанатизм"...**)

Не дождавшись тех, кого он хотел видеть во главе польско-казачьей акции в Турции, Чайковский вынужден был взять на себя организацию „казаков оттоманских", а именно первого регулярного полка, в ноябре 1853-го года. В декабре Чайковский получил султанский фирман, назначающий его, Мехмед-Садык-бея, румелийского бичлер-бея, пашою, командиром и организатором первого полка казачьего, в звании миримиран-паши. Этот титул принадлежал кошевым Войска Запорожского, бывшего под властью султанов в 1709—1737 г. и с конца XVIII в. по 1828-й год. Возрождение этого титула казалось Чайковскому (Садыку-паше) необходимым для поддержания исторической связи с Войском Запорожским.

Для поляков Чайковский снова делал оговорку, что он желает воскресить Запорожское Войско, служившее турецкому падишаху, самому верному и единственному союзнику Польши, но не переставшее быть войском Речи Посполитой и короля польского".***)

Присвоение себе Чайковским гетманского звания (собственно, по началу, лишь звания кошевого атамана) показалось польским эмигрантам нестерпимой дерзостью. Альфонс Борзенцкий, в Париже, распространил свое стихотворение, посвященное Чайковскому, „новому гетману новых казаков".*)

„Пусть мне кто нибудь расскажет, — писал поэт, — что значит эта удивительная казачья организация. Некоторые говорят: „вся эта штучка состряпана для гетмана, которому — страх как захотелось стать гетманом". Так это и сделалось.

„Але-ж, мой амбитный пане
Турко-англо-казачий гетмане...
Будь пашой иль каймакамом
Бимбашой или великим султаном..."

Это все автор допускал, но запрещал Чайковскому принимать на себя п о л ь с к и й исторический титул и тем бесчестить польский „гонор".**)

Парижские издевательства мало беспокоили Чайковского. Гораздо серьезнее были интриги в самом Стамбуле. Высоцкий, приехав в Турцию, интриговал, заклинал поляков, чтобы не шли к казакам, организуемым Садыком. Позже к врагам Чайковского присоединился Замойский. Последний сделал это из соображений религиозного фанатизма. Чайковский называл это иезуитизмом. Из демократических кругов (Милковского и др.) шел протест против жестокого режима, установленного Садыком и его помощником, польским офицером Киркором. Плети, которыми драли в оттаманском казачьем полку за всякий пустяк, демократы польские прозвали „киркорками".

Англия и Австрия выказали враждебность к „казачьему делу" Мехмед-Садыка, так как казаки должны были служить славянскому делу, а освобождение славян не входило в их планы.

Польские эмигранты в Стамбуле, по словам Чайковского, говорили о казаках: „чего ради эти ослы дерутся?.." К. Бржозовский написал брошюру против казаков, в которой страшно поносил их. Милковский писал и прозой, и стихами, что казак Садык хуже, чем башкир или калмык. „Калинка и Иордан подстрекали (польские политические) клубы и комитеты против казаков.

— „Чего ради носятся эти черти на своих лошадях — говорили они — когда мы сидим тут покойно?.."

Чайковский с большою горечью вспоминал об отношении к его казачьему плану, проявленном широкими кругами эмиграции.*)

Из за нежелания поляков помочь Чайковскому пришлось принимать в регулярный полк всех желающих всяких национальностей и „просто всякий сброд", как он сам признавался. Однако, Чайковский стремился придать полку украинский характер. Он перевел командные слова на украинский, „чтобы понятно было и настоящим казакам, и болгарам, и староверам" (великоросам). Чтобы сблизить поляков и казаков он приказывал петь украинские думки.**) Приказы по полку читались на трех языках: „казачьем", болгарском и польском, а турецкие документы и в оригинале (для чего состоял при полку „казацкий дивак-эффендий Хассиб-Эфенди").

При раздаче турецких знаков отличия Чайковский вручал их сам, но ему и старшим офицерам прикололи медали старейшие и храбрейшие казаки его полка (торжество 14—26 июня 1856 года).***)

Каков-же был состав организованного Чайковским полка „казаков султанских"? По подлинной ведомости 1855-го года*), подчиненные ему казаки разделялись так:

Сотня	Людей	Коней
1-я	59	49
2-я	55	49
3-я	107	107
4-я	54	41
5-я	60	47
6-я	54	44
Кубанская	100	100
Добруджская	65	65
8 сотен	554	502

Выходит, стало быть, что в разгаре кампании у Чайковского в р е г у л я р н ы х сотнях была нехватка и в людях (на 5 сотен не хватало 212 чел.) и в конях (не хватало 265 коней), особенно в последних (недохватка в 52 коня на наличный людской состав). Лишь одна третья сотня, организованная при помощи разбойника Матвея Рачо, была в сверх комплекте.

При регулярном полку, как мы видим, состояла о т д е л ь н о сотня „кубанская" (т. е. старокубанская, из некрасовцев мало-азиатских) и „добруджская" (остатки некрасовцев на Дунае и староверы). Из них — первые были подчинены общей команде Чайковского, но сохранили обычную свою вековую организацию, свою одежду, служили на собственных конях, со своим вооружением. Равным образом, и „казаки" из Добруджи имели свою особую организацию. Набор их был

*) „Zawiadomience do dzenników", там же (№ 879), неопубликовано.

**) Milkowski „Udzial polaków w wojnie Wschodnej (1853—1856)", Psryž, 1858, s. 219. Письмо Чайковского от 7 апр. 1856 г.

***) „Рус. Стар.", 1898, № 10, с. 172—173.

*) „Nowy hetman nowych kozaków",Wirsz. Рукописи музея Мицкевича, № 876, неопубл. до сих пор.

**) Приведем в примечании отрывок этого неопубликованного памфлета в польскем оригинале:

„Niech mi kto powie co znaczy
Ten dziwny utwor kozaczy?
Sę co mowia: „dla Hetmana
Cala ta stuczka splatana.
Bo mu się gwaltem zachcialo
Być hetmanem", toż sie stalo.
Ależ moj ambitny Panie
Turko-angielsko-kozacki hetmanie...
Tu sobie zostań basza lub kajmakanem,
Bimbasza albo wielkim tureckim sultanem.
Mniejsza oto, swiat caly zna już twe podniety
Ależ ty honor polski zadijasz niestety..."

*) Восп. Чайковского: „Рус. Стар." 1900 № 10, № 5, № 12; Milkovski „Udzial Polaków", s. 219.

**) Рукопись Клем. Пржевлоцкого в Польск. Библ. в Париже, Ur. № 399, s. 1.

***) Рукопись Музея Мицкевича, № 876. Письмо Чайковского.

*) „Stan pulku kozaków sultanskich", рукоп. Чайковского. Рукописи Музея Мицкевича, № 876 (неопубл.).

произведен Гончаровым, с помощью Носа, Шморгуна и других его сторонников.

В приведеной нами „ведомости“ мы видим командиром Кубанской сотни Махмуд-агу, а „плутонговыми“ (взодными) командирами: Гр. Алексеева, Чижика, Платова, Оскрова (?), Власова; при ней „каймакам“ — Пржевлоцкий и „бимбаша“ — Воронец, оба — поляки. В Добруджской сотне командиром — Махмуд-бей, взводными: Воронин, Жолтахин, Демьянов и Макаров.

В „именном списке корпуса казаков оттоманских“, напечатанном в 1857 г. при сборнике „Казачество в Турции“*), мы уже не находим некрасовцев, а добруджцы названы „редифами казацкими, их „сергердаром“ назван Ос. С. Ганчаров, а четырьмя сотниками — Мих. Нос, Ив. Василисков, Аф. Васильев и Вас. Спиридонов. Все они получили за войну по ордену Меджидиэ**) и по медали.

Что касается „первого полка оттоманских казаков“ и (организованного позже) второго полка „драгунов казаков-оттоманских“, то все решительно командиры их были поляки, т. е. не только полковые командиры (Киркор и Ланге), капитаны (14 в первом и 5 во втором полку); поручики (11 и 6); подпоручики (12 и 10), но и подхорунжие, эскадронные и вздодные вахмистры и трубачи были сплошь поляки. На 145 чел. командного состава мы находим нескольк турок или принявших мусульманство поляков и всего двух казаков (оба — взводные вахмистры первого полка: Леонтий Чегодаев и Дм. Кирсанов). Кроме того, показан умершим в 1855 г. в Журиловке (на Дунае) перебежавший к некрасовцам и бывший у Чайковского поручиком „офицер донских казаков“ Василий Евтеев; там же помянуты умершие во время войны: командир сотни кубанской Федор Евсеев и Игорь Чижик (казак-некрасовец).

Таким образом, Чайковский был совершенно искренен, когда говорил, что Оттоманское казачество, им организованное, было п о л ь с к и м войском. Однако полтораста командующих — поляков должны были иметь кого то под своей командой. Рядовых поляков не оказывалось, или их было черезчур мало, и Чайковскому пришлось, как он сам признавался, набирать в казаки „всякий сброд“, тем более, что и добруджские староверы, и старо-кубанцы (некрасовцы) оказались выделенными в особые части.

Чайковский хотел — и очень искренно — возродить казачьи традиции и воспитать на них польское шляхетство. Символом казачьим должно было служить знамя, выданное Чайковскому по приказу турок из Константинопольской (греческой) патриархии, где оно хранилось, и принадлежавшее ранее Задунайской Сечи. Оно состояло из 2 половин — красное поле с серебряным полумесяцем и белое поле с золотым православным (осьмиконечным) крестом.

Планы Чайковского были очень широки. Еще не закончивши формирования первого полка, он мечтал уже о другом, (который и организовался, но не совсем так, как ему хотелось), а затем и о третьем. Первый полк он обмундировал на подобие лейб-гвардии казачьего, второй напоминал (отчасти) кавказскую линейную форму; третий должен был быть одет в черкески.

Что касается дисциплины, то Чайковский и его офицеры насаждали ее при помощи жестоких наказаний. Кельсиев сообщает о некрасовцах: „поставили они ополчение, поляки стали учить их новым приемам, это была смертельная обида казакам, которые и из России-то ушли потому, что их там учить хотели. Начальство у них было прежде свое, — поляки стали назначать им атаманов и пороли за малейшее ослушание“.***) Консул Кудрявцев сообщал о старообрядцах, что „регулярная служба особенно не нравилась раздорникам... Обращение с казаками было презрительно-суровое. Религиозные обряды их осмеивались польскими офицерами: двуперстие, посты, осенение крестным знаменем перед питьем и пищей — все служило предметом насмешек...“*) Вопрос о телесных наказаниях остро возник в конце войны в связи с проектом организации казачьих частей из евреев.

У Чайковского — среди румын, сербов, болгар и других представителей балканских народностей — были (среди рядовых) несколько евреев. Французский еврей Арман Леви, приехавший в Турцию с Мицкевичем, загорелся мыслию создать еврейские воинские части для борьбы против русских. Он увлек этой мыслью Мицкевича, и тот стал настаивать, чтобы Чайковский организовал полк казаков из евреев. Чайковский сперва отшучивался, говоря, о „выскоках шляхетской фантазии титулованного казака“, потом отказался. С другой стороны и Леви счел недостойными евреев наказания, применявшиеся у Чайковского. Он написал жене Садыка — Л. Чайковской (Снядецкой), — что „это вредит Садык-паше: работает над возрождением родины (Польши), а вводит р у с с к у ю дисциплину; кричит против Русских, а поступает, как они...“ Садык ответил на письмо жены по этому поводу: „нужно, чтобы Леви был з а строгую дисциплину, иначе ничего не выйдет...“

Леви написал довольно оскорбительное письмо Чайковскому: „впрочем, я не знаю вашего казачьего народа и как им нужно управлять, но я знаю с в о й народ. Во Франции офицер, ударивший солдата, погибы... Евреи допускают для себя смерть, но удары — н и к о г д а!“ Леви сообщал, что он собрал евреев, уже служивших в оттоманских казаках, и сказал им: „В а с не будут бить!..“ Затем он потребовал, чтобы им были обеспечены употребление, только кошерной пищи, обязательный субботний отдых и т. п. И, вообще, он пришел к убеждению что, или надо уничтожить телесные наказания и обезпечить религиозные обряды казаков из евреев, или создать особый еврейский полк. Но богачи (Ротшильд, Камондо, Ландау) не хотели дать денег на содержание даже о д н о г о еврея — прапорщика, который должен был начать формирование казачьего полка из одних еврее. С другой стороны, вскоре был заключен мир.**) Так еврейское казачество и не осуществилось.

Если Чайковский и уклонился от организации целого полка казаков из евреев, то он не прочь был поставить оставшимся после 1831 г. в России волынским польским шляхтичам в пример своих немногих казаков из евреев, В „письме оттоманского казака“ Икса „до милого Богдана“ Чайковский писал своему „краюцу“ (земляку), что к ним — казакам прибежал „жид Сруль из Чорткова“ и сообщил, что поляки на Волыни и на Украине „лякаються, щоб часом до них не пришли — а так трусять що аж гидко! Та вже ж я — жидок —, не міг висидіти меж ними, тай втік!.. Где там вони мислять віб войні, тай віб Польши, ба й об Козачині.. Вони топер не сміють наветь молитися про вас, ба й не хтять... Лишенько! Вони тепер гірши від давніх жидків! Ми жидки тепер біжим битися тай умирати за Польшу!..“

„Та й ми, — продолжал Чайковский, — хотіли жидови вилойіти шкуру за такое безчестіе; але він схоронився попід ковпак, взяв спису до руки, та й зробився Козаком. Та вжеж по ним без перестанку приходили жиди, то из Тарнополя — Мошко, то Гершко за Злочува, то из самого Львова — Ицко, а все на Козаків; — а тим часом о Польскої шляхті ани слиху!..“***)

Нужно признать, что с превеликими затруднениями рождалось на свет Оттоманское казачество, которое по мысли Чайковского, должно было стать ядром вольного союза казачьих войск Юга России. Если исключить из „корпуса (!) Оттоманских казаков“ сотню подлинных некрасовцев (старо-кубанцев), то даже добруджская сотня уже представляла собою смесь из немногих застрявших на Дунае потомков некрасовцев, задунайских сечевиков и великорусских староверов. В регулярных же полках были представители 30 народ-

*) „Kozaczyzna“, s. 355—364.

**) Очевидно, это и была „звезда“, которую Герцен видел в 1857 г. на Гончарове.

***) „Арх. Рус. Рев.“, т. XI, с. 266.

*) Рус. Стор.“, 1883, № 4, с. 190.

**) „Sprawa formacyi pulku starozakonnych w 1856 roku“. Рукопись Музея Мицкевича, № 876, (отчасти опубликована в польской печати).

***) „Kozaczuzna“, s. 4—5.

носгей под польским командованием и — среди них — меньше всего казаков. Офицеры мечтали ополячить и окатоличить эту пеструю массу; вместе с тем создать из нее регулярную кавалерийскую часть. Сам атаман хотел насадить среди этого "казачества" традиции старой Сечи — православной по вере, украинской по языку и национальному самочувствию, но вместе — верной Польше и ее королям. Сам он был мусульманин, турецкий паша, слуга султана. Конечною целью Чайковского было стать великим гетманом великой Казакии от Карпат и до Яика, от Богучара и Харькова до Терека и Кубани...

Много было фантастики и романтизма в предприятии волынско-польского шляхтича-казакофила, творившего на яву удивительный роман из самых неожиданных ингредиентов.

А. Ленивов.

Яицкие казаки.

(Исторический очерк).

(Окончание).

Период царствования Николая I внес большие изменения во внутреннюю жизнь Уральского Войска: в частности имел место указ 1827 года, согласно коему наследник российского престола — вел. кн. Александр Николаевич назначался „августейшим" Атаманом всех казачьих Войск". И если до этого времени в титуле российских царей и императоров отсутствовало упоминание об Урале (Яике), то с упомянутым „назначением", в титул наследника престола вошло и наименование Уральского Войска. Политическое значение оного акта — несомненно, ибо следует помнить, что до 1721 г. Яицкое (Уральское) Войско существовало, как самостоятельное государство, независимая казачья республика. Об этом помнили даже декабристы 1825 года, что и не было забыто полковником Пестелем, при разработке плана политического преобразования России.

Переименование Департамента Военных Поселений в 1835 г. знаменовало собой в частности для Уральского Казачества, усиление наблюдения в отношении полицейском, судном и экономическом. Политика российского правительства, направленная к ограничению казачьего самоуправления, привела к тому, что у Уральских казаков было отнято право выбирать Войского Атамана. История укажет, что последним выборным Атаманом на Яике был Давид Мартемьянович Бородин, после коего уже появился „Наказной Атаман" полковник Покотилло (1837 год). На почве этого назначения произошел инцидент, героем коего явился казак Павлов, лично подавший челобитную вел. князю Александру Николаевичу (прибывшему о ту пору на Яик), в коей излагалось пожелание о восстановлении попранной вольности в смысле выборного начала на пост Войскового Атамана.

Подача прошения на высочайшее имя, правда несколько необычайным способом, была истолкована российским правительством, как бунтовщическое действо, а посему из Петербурга последовала недвусмысленная угроза — „совершенным уничтожением всего Войска Уральского и даже самого имени Урала и выселением в другие места".

29 марта 1850 г. согласно циркуляра Военного Совета, состоялось подразделение отдела иррегулярных казачьих Войск при Департаменте Военных Поселений на два под'отдела: инспекторское и хозяйственное. 6-го апреля того же года в оный отдел иррегулярных казачьих войск, вошел и представитель от Уральского Войска „по избранию главного местного начальства". Замечательнейшим явлением эпохи Николая I, определяется управление казаками исключительно через Департамент Военных Поселений, что станет понятным при знании взглядов Николая I на Казачество, которое для него было лишь особым видом военных поселян.

В 1868 году последовало уничтожение наименования „Земли Уральского казачьего Войска" с переименованием в Уральскую область, во главе коей и был поставлен Наказной Атаман, не казак.

Уральские казаки, помимо своего участия во всех войнах веденных Россией, вели непрестанную борьбу с степными кочевниками, на общем фоне коей (борьбы), необходимо особо выделить подвиг сотни Уральских казаков под командой есаула Седова в бою под Иканом. Именно об Уральцах и писал известный французский журналист Тревеньяк „казак терпеливый, трезвый, неутомимый и храбрый до безумия... в снегах Балкан, как и под палящим солнцем Туркменских степей, он всегда одинаков в голоде, жажде и холоде".

Несмотря на систематические ухищрения российской власти, Уральским казакам все же удалось сохранить и довести до наших дней некоторые ненарушенные казачьи вольности, к разряду коих мы отнесем: землепользование, рыболовство и т. д.

Как ни странно, но положение „об управлении Уральским Войском" признавало и „казачий быт и привиллегии", а равно и „казачьи вольности", какие давно были отняты российскими правителями у остальных казачьих Войск. В экономической жизни Войска, Уральские казаки были полными вершителями своих судеб, ибо сумели отстоять широкие права хозяйственного самоуправления и защитить их перед натиском „чиновного Петербурга". Никто из власть поддерживающих лиц не имел права узурпировать хозяйственные распоряжения Войскового с'езда, и это ограничение касалось не только чинов местной администрации, но и самого Наказного Атамана...

Касаясь вопроса о землепользовании, необходимо отметить, что вся земля принадлежала Войску. Земля, принадлежащая Казачеству, была песчаной или солонцевато-глинистой, правда за исключением северной и сереро-восточной части. Вполне понятно, что так ограниченная площадь земли, пригодной для возделывания злаковых и полевых культур не могла кормить и третьей части казаков. Быть может сообразно этому, каждый казак пахал, там где хотел, причем размер земельного участка был весьма произволен, т. е. то количество десятин земли, которое казак лично мог обработать... Временами седой патриархальности уклада Войсковой жизни отдавал сохранившийся обычай косить сено всем Войском! Положение 1889 г. о земельном устройстве в казачьих Войсках, совершенно не коснулось Уральского Казачества и поэтому, те казаки, которые не находились на действительной службе, делали взносы в Войсковую казну.

Касаясь вопроса о рыболовстве на р. Урале, нельзя не указать на то, что в былые времена р. Урал кормила с избытком все Войско. „С конца прошлого (XVIII ст.)" повествует І. И. Железнов*) „и с начала нынешнего столетия (XIX ст.) Урал год от году стал быстро таять, с'уживаться и покрываться косами (островами); устья его засоряются песком, илом и ракушей; глубокие рукава, которыми он вливался в море, пересыхают...", далее он говорит, что „... при таком упадке вод, устья Урала служат уже весьма плохим проводником рыбы из моря, отчего Урал до неимоверной степени оскудел против прежнего рыбой, так что рассказы стариков о былых благословенных временах, когда по их словам, рыбы было „что сору", — кажутся нам, бедным потомкам, баснословными...".

В войсковом рыболовстве, Новый Год являлся днем, с которого начиналось зимнее багрение (рыболовство). Через Урал ставился „учуг", изгородь из железных свай, друг около друга тесно вбитых в русло реки. Назначение „учуга" заключалось в том, что этим за-

*) Известный писатель о быте и нравах Уральских казаков.

граждением исключалась возможность прохождения как крупной, так и мелкой рыбы по реке, благодаря чему на „огромном протяжении от г. Уральска и до устьев реки в Каспийское море „вся рыба находилась в изолированном пространстве. В начало зимнего багренья, на берег р. Урала выходило все Войско, служился молебен, после чего раздавался пушечный выстрел, который и служил общим сигналом к началу промысла. На правах первой заимки, по берегу реки занимались места, рыболовы пробивали железными пешнями лед и в образовавшиеся отверстия (полонки) вытаскивали пойманную рыбу, которая и делилась поровну между всеми.

Известен случай, когда один из Наказных Атаманов рискнул было нарушить по своему такой обычай Войскового багренья, за что и получил должное возмездие от казаков, будучи принужден искать спасения в бегстве, опрокинувшись вповыхах головой и руками в сани, а поднятыми пятками ног вверх...

Оскудение р. Урала рыбой, волей-неволей обратило взоры казаков на Каспийское море, где и выработался особый вид рыбного промысла, названный аханным (ахан — сеть для ловли рыбы).

По данным всероссийской переписи от 28 января 1887 года в составе Уральского казачьего Войска имелось 114.166 казаков обоего пола), каковая цифра сильно возросла к 1912 году, увеличившись до 155.317 казаков (обоего пола), причем служилых казаков считалось 13.050 (И. Билый: „Казачьи Земли“ Таблица I).

Уральское Войско населяло три военных отдела Уральской области, выставляя в мирное время три конных полка. В Великую войну 1914-1917 г. г. Уральцы выставили 9 конных полков (1, 2, 3 очереди), доведя общую численность строевого состава за три года войны до 19.400 казаков.

В дни революции 1917 г., с падением самодержавия, Уральское Войско вернуло себе все утраченные вольности, а равно и самоуправление „по древнему казачьему обыкновению“. С захватом государственной власти большевиками, Уральское Войско управлялось Войсковым С'ездом (представители от 33 станиц), а также и Войсковым Правительством (по избранию С'езда). Касаясь вопроса о Войсковом Атамане, надлежит отметить, что таковой был избран лишь на краткое время, причем остальной период первого года борьбы Уральских казаков с большевиками, власть была сосредоточена исключительно в руках Войскового С'езда. Весьма важным мероприятием (неудавшимся) является попытка Войскового С'езда создать учредительный С'езд депутатов от Казачества, иногороднего и инородческого населения Войска для „1. Создания местной власти, об'единяющей все группы населения войсковой территории, 2. разрешения вопроса о местном самоуправлении, и 3. пересмотра имущественных прав населения.

10 марта 1918 года в адрес Уральского Войска последовал от оренбургского комиссара Цвиллинга ультиматум следующего содержания: „Уральскому Войсковому Правительству. Именем Российской социалистической республики предлагаю Вам в течение двух суток признать советскую власть, разоружиться и распустить мобилизованные казачьи полки. Если это не будет выполнено, то Вас ожидает участь города Оренбурга. Будут двинуты силы из Оренбурга и Саратова, и тогда ни один юнкер и офицер не останутся в живых. Казакам предлагаем немедленно сдаться. Начальник штаба рабоче-крестьянской армии, Народный комиссар Оренбургской губернии Цвиллинг“.

Прошло два дня и последовал со стороны Уральских казаков — ответ, вполне достойный славных потомков Яицкого вольного Казачества:

„Мы, казаки-фронтовики Уральской и других станиц, обсудив в заседании своем от 13 марта пред'явленный Оренбургскими большевиками ультиматум нашему Войсковому Правительству, а также заслушав сообщения о целях, с коими прибыла в г. Илек банда, именующая себя отрядом красной армии, постановили: отдать себя в полное распоряжение Войскового Правительства и С'езда. Завтра 14 марта, собраться к Старому Войсковому Собору, где отслужить молебен покровителю Войска Св. Архистратигу Михаилу и принести под войсковыми знаменами присягу в том, что нашу вольность, нашу землю, наш седой Яик, добытые кровью наших отцов, дедов и прадедов, отдать только тогда, когда ни одного из нас не останется в живых. С нами Бог и Св. Архистратиг Михаил!“.

Началась... кровавая борьба за право существования Уральского Войска.

„Если Войску суждено было основаться на крови, то пусть оно на крови и окончит свое существование, если попустит Бог“ — говорили Уральцы. Такого под'ема духа, какой существовал в рядах Уральских казаков, не было неблюдаемо в дни борьбы с большевиками, ни в одном из казачьих Войск. Призвав „под ружье“ — 37 призывных возврастов, т. е. выставив 18 полков, Уральское Войско в состоянии полного окружения, дралось сразу в четырех направлениях...

О том же, каковы были условия, при которых сражались Уральцы, укажем, что совершенно отсутствовали перевязочные медикаменты!.. Так ген. лейт. Матвей Филаретович Мартынов, доблестный командующий Армией, умер 18 марта 1919 года после третьего ранения, ибо ему нечем было перевязать раны...

Из малолетков и стариков предельного возвраста, составилась крестоносная дружина маститого казака Кабаева. Неся в руках иконы Спасителя, св. Николая Чудотворца, с малиновыми шелковыми платами на шапкхх, с восьмиконечными крестами на пиках, то в конном, то в пешем строю, дружина Кабаева ходила в бой впереди строевых казачьих частей, воодушевляя их своим энтузиазмом и... верой!

Уральские казаки в борьбе с большевиками проявили ни с чем несравнимый героизм, достаточным для этого лишь будет помнить героизм ген. Мартынова, ген. Акутина, полк. Бородина, полк Курина и многих, многих иных природных казаков, сынов беспредельных степей Яика.

11 января 1919 года гор. Уральск был взят большевиками, после чего Уральские казаки начали отход на юг. Целый год после этого, продолжалась еще кровавая борьба „За Веру, Родину, Яик и Свободу“,*) успех коей всецело принадлежит Атаману Уральского Войска — ген. м. В. С. Толстову, который был избран Войсковым С'ездом вскоре после падения гор. Уральска.

И для героев есть невозможное... „Сила солому ломит“! В январе 1920 г. последний казачий город Гурьев на берегу Каспийского моря, был оставлен казаками, кои в количестве 11.000 бойцов выступили в поход на юг под командой своего Атамана. Да, помнят современники, что этот поход от гор. Гурьева и до форта Александровского длился 55 дней, имея протяжение 1100 верст, протекая в зимнее время и принес гибель 10.000 казаков от голода, ранений, болезней, холода, нападений большевиков и киргизов!!!

Вот что говорит один из летописцев этого похода Уральской Казачьей Армии от гор. Гурьева до форта Александровского:

„Как ты пустынна и голодна, степь! Сколько ты поела молодых жизней! Из тысячей, вошедших в твою пасть, вышли только десятки. Это лучшие люди, столько боровшиеся за вековую славу своего Войска, участники многих великих боев, принесли свои головы сюда для того, чтобы закопать их под твоими снегами и не видеть опозоренной родины.

Да, будет вам вечный покой и вечная слава, рыцари! Много ваших трупов разбросано по этому голодному пути. Оставшиеся в соженных станицах ваши жены и сироты проливают о вас слезы, а степные хищники растаскивают ваши кости.

Вы погибли, но ваша слава и подвиги будут жить во веки. Груды ваших костей лучше всего свидетельствуют о вашей любви к родине и преданности Войску. Пройдет много лет, затихнет плач, высохнут слезы, забудется горе, но память о вас сохранится.

---

*) Лозунг Уральского Войска, выбитый по постановлению Войскового С'езда на орден св. Архистратига Михаила, которым награждались казаки, проявившие героизм при защите родного Войска от русских большевиков.

Убеленный сединой и покрытый морщинами казак-дед зимой под завыванье вьюги будет рассказывать своим внукам сказку-быль о ваших рыцарских делах. Ярко будут вставать перед внуками ваши образы и глубоко врежется в их память дедушкин рассказ.

Раскажет дед и настрого прикажет не забывать этой „сказки"... и свято блюсти традиции и заветы своих пращуров"!

20 марта 1920 г. пал последний оплот — форт Александровский на Каспийском море, причем около 3.000 казаков (раненые и больные) были захвачены большевиками в плен... И только 2000 с лишним казаков, имея во главе своего Атамана ген. м. В. С. Толстова и унося с собой Войсковое знамя, двинулись походным порядком в Персию, через Закаспийскую пустыню. „Поход казался невозможным... и только упование на Бога и рассчет на врожденные качества уральцев" — дали право Атаману Толстову пуститься в поход через страшную пустыню...

10.000 Уральских казаков погибло в походе от гор. Гурьева до форта Александровска от лишений, зимней стужи, боев, но почему были брошены на с'едение красным палачам 3.000 Уральских казаков, оставленных в форту Александровском, дает ответ сам Яицкий Атаман — ген. м. В. С. Толстов: „Каспийский флот предал Уральское Войско"! (См. В. С. Толстов „От Красных лап в неизвестную даль (Поход Уральцев)" Константинополь, 1921 г.).

Атаман Толстов, обвиняя ставку ген. Деникина и Каспийский флот (адм. Сергеев) в непринятии нужных мер для эвакуации остатков Уральской Казачьей Армии из форта Александровского в марте 1920 г. пишет: ... „слишком много было праздношатающегося элемента в тылу Добровольческой армии, богатого всевозможными заручками в верхах и желающего работать не покладая рук там, где менее всего опасно. Этот элемент об'явил и доказал кому-то, что без него Каспийское море погибнет. Как ему не могли не дать после такого серьезного заявления целого Каспия!" (См. стр. 3-ю книги В. С. Толстова).

Несколько далее. Атаман Толстов пред'являет Каспийскому белому флоту следующее обвинение: „Теперь я вполне уверен, что они (т. е. флот) в о ч т о б ы т о н и с т а л о не произведут нашей эвакуации" (стр. 100). В конце-концов Атаман Толстов пишет: „Одна как будто судьба занесла нас сюда, как и наших предателей (флотских!), но это не может быть для нас поводом к примирению... „Бог приведет быть живым — я сведу счеты"... (стр. 309).

Дерясь с большевиками, с туркменами, с акботайцами-киргизами, джаор-арабайцами, без запаса одежды, обуви, без хороших карт, не имея должного запаса воды, потребного для перехода через пустыню, имея женщин и детей, не имея связи с внешним миром, не рассчитывая ни на какую помощь, имея в виде питания $^1/_4$ фунта кумпеша (хлебные лепешки) и кусочек мяса в день, казаки проделали до конца свой беспримерный 1500 верстный поход от форта Александровского в Персию (Ромиан).

Некоторая часть Уральских казаков, находившаяся на Оренбургском фронте, ушла в Сибирь, где и дралась в рядах Сибирского казачего корпуса с большевиками в 1921—1922 г. г.

Так кончилась борьба уральских казаков с большевиками, но что-же стало с теми казаками, кто продолжал оставаться на Войсковой территории, а равно и с теми, кто вышел на чужбину в изгнание и продолжает ныне пребывать в рассеянии, добывая себе кусок насущного хлеба путем тяжкого физического труда и нескончаемых мытарств?..

Прежде всего необходимо указать, что на Землях Войска Уральского в конечном итоге после окончания борьбы — определилась убыль населения в 243.300 душ, т. е. 22%, что ученые статистики об'ясняют „отрезкой части Казачьих Земель к вновь образованным республикам Башкирской и Казакской, а во-вторых трагическим концом противо-большевицкой борьбы Яицкого Казачества".

Ранее в составе Уральской Области числились уезды: Уральский, Гурьевский, Лбищенский (Калмыковский), Темирский (Эмбинский), теперь-же, в эпоху владычества русских большевиков, Земли Уральского Войска под наименованием Уральской губернии, оказались целиком включенными в Казакскую (бывш. Казакстан) А. С. С. Р., разделяясь на пять округов: Букеевский, Уральский, Гурьевский, Джамбейтинский, Илекский.

В настоящее время насчитывается до 230.000 уральских казаков обоего пола.

Большевики, захватив в плен несколько тысяч уральских казаков, оставленных в форту Александровском благодаря предательству Каспийского флота, большую часть мобилизовали и отправили на Польский фронт сражаться против поляков. Меньшая же часть из захваченных была отправлена в гор. Уральск и предана военно-революционному трибуналу. В дни восстания б. комиссара Сапожкова в Бузулукском уезде, все казаки, содержавшиеся в Уральской тюрьме, были поголовно расстреляны большевиками, причем в числе расстрелянных оказались и видные деятели Уральского Войска — И. И. Иванаев, В. С. Сахарнов, Г. М. Фомичев и многие другие.

Конные части из уральских казаков, появившись на Польском фронте, при первом удобном случае перешли на сторону поляков, где и дрались против большевиков вплоть до самого окончания Польско-Советской войны, действуя в виде отдельных войсковых соединений: 1. Особый Уральский конный полк, 2. Уральский конный дивизион при бригаде Донцов полковника Сальникова. Впоследствии, часть уральцев перебралась в Германию и Чехию, другая-же часть осталась в Польше.

Уральские казаки, успевшие эвакуироваться на Сев. Кавказ, принимали участие в борьбе против большевиков, как на Кавказе, так и в Крыму. Справедливость требует отметить, что большое количество уральцев (раненых, обмороженных, изнуренных от походов) погибло в госпиталях гор. гор. Петровска и Владикавказа, будучи брошенными при эвакуации в 1920 г.

Отряд уральцев (до 200 чел.), дошедший с Атаманом В. С. Толстовым до Персии, впоследствии перебрался в Австралию, где казаки, работая вначале в качестве простых рабочих на сахарных плантациях, в конце концов стали на ноги, приобретя готовые плантации у своих-же хозяев в кредит с рассрочкой.

Некоторое количество уральских казаков находится в данное время и во Франции, где, например, под Парижем в мест. Rueil они сорганизованы в отдельную Уральскую казачью станицу.

Большую известность приобрел и Уральский казачий хор, с успехом выступающий в данное время в Германии.

Несколько представителей уральской казачьей молодежи [юноши и девицы] сумели получить высшее образование в Чехо-Словакии... и это исключительно благодаря отзывчивости Чехо-Словацкого народа!

. . . . . .

Настоящий скромный труд посвящаю свободолюбивым Яицким [Уральским] казакам, которые через столетия насильственной и „многострадальной" для Казачества руссификации, принесли и сохранили в своих сердцах пламенную любовь к свободе и славному историческому прошлому Яицкого Войска.

„История — учительница жизни", учили древние римляне... Да вспомнят об этом современные Яицкие казаки и мысленно обратятся к тому, как исстари повелось умирать на Яике за „Волю и Вольность Казачьи!.." Пусть каждый Яицкий казак, обретши в себе искру казачьего национального самосознания, также смело и отважно ринется вперед в поисках казачьего счастья, как и мы, вольные казаки, стремящиеся возродить былые „Волю и Вольность Казачьи", претворяя эту мечту в наши дни в идеал создания казачьего независимого самостоятельного государства — Казакии.

Верится мне, что казаки-„Горынычи", дети вольных безбрежных степей Яика, отзовутся на наш призыв; чуется мне, что вольно-казачий лозунг „Наш де-

виз — Казачья Воля, Казакия — наша цель", обретет себе почетное место в сердцах и разумах храбрецов, кто не так еще давно [1918 г.] начал борьбу с русскими большевиками — постановлением „... собраться к Старому Войсковому Собору, где отслужить молебен покровителю Войска Св. Архистратигу Михаилу и принести под войсковыми знаменами присягу в том, что нашу вольность, нашу землю, наш седой Яик, добытые кровью наших отцов, дедов и прадедов, отдать только тогда, когда ни одного из нас не останется в живых"...

М. Забєлло.

Забайкальское казачье Войско.

(Военно-исторический обзор).

Забайкальское казачье Войско было образовано 17-го марта 1851 г.

С давних пор пограничную службу на Китайской линии несли Бурятские казаки вместе с русскими того времени казачьими командами и пятисотенным тунгузским полком. В конце 30-х г.г. XIX века генерал-губернатором В. Сибири Рупертом был составлен проект об учреждении взамен бурятских полков трех казачьих полков в составе пограничной линии казачьего Войска. Проект этот не был осуществлен.

Занятие Амурского края и необходимость укрепиться в нем путем колонизации привели к учреждению Забайкальского казачьего Войска, которое, по положению 1851 г. было образовано в составе 3 конных (по 2 п.п.) и 3 пеших (по 4 баталиона) бригад. В первые 2 бригады вошли: казаки бывшего Харацайского отделения (1.805 чел.), бывш. Цурухайтуевского отд. (5.617 ч.), бывш. Тунгузск. (280 ч.) и Нерчинск. (395 ч.) округов, бывш. Забайк. город. п. (674), крестьяне Верхнеудинского (1491) и Нерчинского (500) округов и 530 ч. из бурятских полков, а исего 11.314 ч. Третья конная бригада составилась исключительно из бывших бурятских п.п., всего в количестве 9.811 ч. Наконец, в пешие баталионы были зачислены крестьяне, приписанные к Нерчинским горн. заводам (28.992), станичные казаки Нерчинского округа (482), казаки бывш. Забайк. город. полка (741) и бывшего Цурухайтуевского пограничного отделения (121), а всего 30.336 ч.

Войско было разделено на 6 полков и 12 баталионных округов, а в состав войсков. территории были включены земли, принадлежавшие пограничным казакам, свободные казенные земли пограничной линии, земли Забайк. городов п. и станичных казаков Верхнеудинского окр., земли тунгузских и бурятских полков, казенн. оброчные статьи, земли, состоявшие в пользовании крестьян, приписанных к Нерчинским горным заводам, и станич. казаков Нерчинского округа, за исключением земель, занятых горными заводами, рудниками, золот. промыслами и разными заведываниями при них, а также заселенных рабочими, и лесов, необходимых для действия заводов, и земли других крестьян, подлежавших зачислению в войска.

Забайкальское Войско было обязано охранять границы, содержа на ней караулы и раз'езды, преследовать контрабанду, ловить беглых и нести внутреннюю службу по Забайкалью; последняя заключалась в конвойной службе на этапах, караульной в городах, на заводах и золот. промыслах и т. п. Независимо от того Забайкальские казаки были обязаны нести службу и вне пределов Забайкалья. Пешие баталионы, впрочем, были освобождены от пограничной службы. Общий срок службы к. ч. — 40 лет: в пеших баталионах все время на полевой службе, а в конных полках 25 лет на полевой службе или по войсковому управлению и 15 лет на внутренней.

Управление Забайкальским Войском состояло из главного и местного; первое принадлежало ген.-губернатору Восточной Сибири; местное составляли: 1. Войсковой наказный атаман; 2. войсков. дежурство (дежур. шт. офицер, старш. ад'ютант, об.-аудитор и доктор), разделявшееся на инспекторскую, военно-судную и медицинские части; 3. войсковое правление (из старш. члена, 2 ассесоров и войсков. контролера, под председ. Войскового атамана), разделявшееся на хозяйств. исполнительную с казначейством, гражданскую и контрольные экспедиции, и 4. бригадные, сотенные и батал. управления, служившие исполнительными органами войскового правления и войсков. дежурства. Наконец, сотенные (в конных полках) и батал. (в пеших частях) правления состояли из председателя (сотенн. или батал. к-ра) и 2 судей по избранию и по функциям своим соответствовали станичн. правлениям других казачьих Войск.

Войско разделялось на полковые и батал. округа, из которых каждый обязывался выставлять на службу ту или другую строевую часть. Численность Забайкальскогв каз. Войска изменялась след. обр.: Всего населения состояло к 1-му янв. 1855 г. — 55.163 мужчин, 55.001 женщ.; из них на действительной службе числилось по спискам 20.180, а состояло 2.865, по штатам же полагалось 17.659. К 1-му янв. 1881 г. всего населения: 76.576 мужч. и 74.482 женщ.; собственно войскового: 74.305 мужч. и 72.124 женщ., из них служил. состава по списку 62 офиц. чина и 20.343 нижн. ч.; состояло на службе — 2.622 (3,5%). Наконец, к 1-му янв. 1895 г. всего населения 98.361 мужч. и 95.667 женщ.; собственно войскового: 94.514 мужч. и 92.688 женщин; состояло на службе по списку: 176 офицеров, 22.711 казаков и 26.601 лошадь, а на действительной — 111 офицеров и 2.668 казаков.

В 1855 г., по настоянию ген.-губернатора В. Сибири Н. Н. Муравьева, было положено начало колонизации Амурского края казаками Забайкальского Войска (см. наш военно-исторический обзор Амурского казачьего Войска в №№ 102 и 103 „В. К." ред.). В 1872 году Забайкальское казач. Войско было подчинено общ. администр. учреждениям; пост Наказного Атамана, войсковое дежурство, бригадная канцелярия и правления (и военно-суд. комиссии), бат. и сотен. правления (исключая хозяйств. экс-цию) были упразднены; из хозяйств. же экспедиции было образовано войсковое хозяйственное правление; управление Войском в военном отношении было сосредоточено в областном штабе и управлениях 3- военных отделов, народное же продовольствие, земск. повинности, медицинск., учебн., судеб. и полицейские части — в областн. правлениях, окружн. полиц. управлениях, окр. судах и проч. областных учреждениях.

В 1866 году всем казачьим чинам Войска обязательный срок службы был установлен для полевой в 15 лет, а для внутренней в 7 лет, что в связи с установленной с 287 года очередной системой (2 очереди) службы, существенно облегчало службу забайкальцев.

В 1872 году было введено в Забайкальском Войске новое положение о воинской повинности, по которому служилый состав Войска был определен для конных полков и батарей в 4 т. и для пеших — в 7 т. В военное время войско обязывалось выставлять 6 конных полков, по 4 сотни, 9 баталионов и 2 батареи, а в мирное время на службу в учебных строевых частях Войска (конный дивизион и пеший баталион), в 2-х конно-артиллерийских батареях и в отрядах по нарядам командующего войсками Вост.-Сибирского воен. округа могло вызываться не более 1/3 всего служилого состава; сбор же с неслужилых казаков взимался по 15 руб. в год; служилый разряд комплектовался жеребьевкой.

В 1865 г. был утвержден новый устав о воинской повинности Войска Донского, который затем в 1878 г. был распространен и на Забайкальское каз. Войско. Одновременно было издано и особое положение о военной службе Забайкальского Войска. Войско было обязано выставлять в мирное время 1 конный п. 6-ти сотенного состава, 2 пеших б-на 5-ти сотенного со-

става и 2 конно-артиллер. батареи 4-х орудийного состава, а в военное время — 3 конных полка 6-ти сотенного состава и 3 конно-артиллер. батареи 6-ти оруд. состава.

В 1876 г. было издано для Забайкальского Войска положение об управлении войсковыми капиталами; в 1881 г. окончательно было установлено управление медицинской частью Войска, возложенное на областного врача. В 1890 г. войсковой праздник был установлен 17 марта. В 1893 г. повелено сформировать новый полк 4-сотенного состава, для чего в 1894 г. первоочередной 6-ти сотенный п. был разделен на 2 полка 3 сотенного состава, из коих №1-й был передвинут в Уссурийский край, а № 2 — остался в пределах Забайкальской области, а затем, к 1897 г. полк № 1 был доведен до 6 сотенного, а № 2 до 4 сот. состава; полки получили наименования: 1-й 1-го Верхнеудинского, 2-й — 1 го Читинского Забайкальского казач. п.

В 1894 было введено в Забайкальском Войске положение об общественном управлении станиц. С 1884 г. Забайкальское к Войско вошло в состав Приамурского военного округа, при чем с 1887 г. Приамурскому ген.-губернатору и командующ. войсками было присвоено звание Наказного Атамана Приамурских казачьих Войск.

В 1888 г. Забайкальское Войско постиг неурожай, вследствии чего из общего войскового капитала была отпущена значительная сумма для выдачи населению некоторых станиц и поселков ссуд.

В 1894 г. комитет Сибир. ж. д. отпустил 86.000 рублей на водворение по нижн. течению р. Уссури 150 семейств из некоторых станиц 3-го отдела Заб. к. Войска наиболее стесненных в землепользовании; мера эта, главным образом, вызывалась необходимостью усилить вооруженную охрану сев. участка Уссур. ж. д.; однако, охотников переселиться оказалось только 64 семьи, которые и были поселены на Уссури в 1895 и 1897 гг.; впоследствии сюда переселилось еще 62 семьи.

В 1895 году положение об обществ. управлении станиц было распространено на бурятское население Забайк. Войска. В 1898 г. был образован новый (4-й) военный отдел, кв-рой которого определен б. Нерчинский завод, и сформирован 3-й полк, названный Нерчинским. В видах же усиления конницы в Приамурском крае два Забайк. 5-сотенных первоочередных б-на в течении 1895-1900 гг. были переформированы в 2 конных 6 сот. полка, и был образован 4-й полк — названный 1-м Аргунским. Кроме того, в 1901 и 1902 гг. число строевых частей, в военное время, было увеличено на 2 второочередных конных полка: 2-й Читинский и 2-й Нерчинский. С 1895 года 2 батареи стали содержаться в усиленной упряжке (6 ор. и 3 зар. ящика), а в 1900 г. была образована еще новая (4-я) льготная батарея. В 1902 г. на Войско были распространены правила 1892 г. о пополнении казач. строевых частей людьми и лошадьми в военное время; двумя годами раньше были учреждены оруж. и шорно-седельные мастерские.

5 июня 1900 г. утверждено положение о землеустройстве Заб. Войска и с 1901 особая вневедомственная комиссия приступила к внешнему отграничению земель Заб. Войска. К этому времени войсковой капитал составлял 586.385 р. Что касается учебной части, то в Забайкальском Войске своих учебных заведений не имелось в то время, и по грамотности оно занимало последнее место среди прочих казачьих Войск: грамотных в Войске было всего 14,9%.

(Окончание следует).

А. Т. Жуков.

На вопросы некоторых вольных казаков.

Говоря о характерах людей, касаясь их духовной сущности, мы часто можем слышать выражение: крайности сходятся, т. е. — друг друга дополняют. Суждение, как увидим ниже, ошибочное.

Если оно в полной мере применимо к явлениям физического мира, то ни в коем случае недопустимо в области этической, моральной.

Видимые крайности физической природы являются всего лишь сторонами одного и того же явления, одной и той же силы и отличаются только своей интенсивностью.

Иное наблюдаем в проявлениях духовных сил. Здесь нет подобия, нет крайностей единой сущности, но есть в наличии прямая противоположность двух, вечно враждующих начал: добра и зла.

Любовь и ненависть, правда и ложь, добродетель и порок — понятия несовместимые, друг друга взаимно исключающие; их сочетание, кроме хаоса, уродства и страданий, ничего не может дать.

Конечным результатом борьбы добра и зла может быть лишь абсолютная победа первого, как начала положительного. Неизбежность зла — необходимое условие торжества Божьей Правды. В этом суть философского учения о свободе воли, в этом внутренняя сила сокровенных религий.

Особенно хорошо, с удивительной простотой и ясностью, эта мысль выражена в народной сказке о Правде и Кривде (имеется у всех народов), которую мы все читали в детстве или, по крайней мере, слышали в различных вариантах.

Каких только мытарств не испытывает Правда на своем пути и каких только злостных козней не устраивает Кривда, соблазняя род людской!

Тернист и долог правый путь: идет он в гору и усеян острыми камнями. Много препятствий и лишений надо побороть, чтобы достичь вершины. Но велика бывает радость тех, кто его совершит.

Доступен, легок и заманчив путь иной — путь Кривды; без особого труда, ступивший на него, скользит быстрее и быстрее вниз. Повсюду в изобилии разбросаны соблазны удовольствий, почестей и... дешевой славы, а вдали сверкает сказочное церство — рукой подать... Но вот последний шаг и... все исчезло, как мираж. Впереди — пропасть...

В своем стремлении к прекрасному и доброму все равны Но беда заключается в том, что не все одинаково представляют себе это доброе и, в силу произвольных допущений, приводящих к ложным выводам, определяют ложный выбор; не все способны по слабости характера стать на трудный, но правый путь. Кроме того, многие предпочитают удовольствоваться „малым“, но теперь же; не заглядывая в будущее, они избегают всего, что сопряжено с трудом, лишением и потерей личных преимуществ в настоящем.

— Зачем обременять себя, стремясь к лучшему? Пусть будет все по старому, — рассуждают эти люди. Хоть и плохо, да зато покойно, а о лучшем позаботятся другие.

Вот почему пути людей расходятся. Одни, благодаря перевесу положительных сторон своей души, ума и воли, отчасти в силу врожденной способности легко отличать плохое от хорошего, ценное от мишуры, решительно ступают на правый путь, никуда после не сворачивая; другие же, наоборот, — от природы лишены подобного чутья, морально невоспитаны, убоги духом, а потому часто заменяют высокую цель низким побуждением, общественное благо — личным благополучием, прогресс — рутиной. Эгоизм толкает их на скользкий путь, с которого возврата нет.

И вот, перед пропастью у них вспыхивает зависть к тем, которые не с ними, которые пошли иной дорогой; пробуждается неутолимая злоба, порождающая дьявольскую мысль — увлечь за собою и других, разделить свой грех, переложить бремя личных заблуждений на чужие плечи.

Все это привожу для уяснения психологии людей,

насилующих общественную совесть, подменяющих заветы казачьей старины прихотью чужих и чуждых нам „властителей", злобно поднимающихся (скрытно и открыто) на борьбу с проявлениями казачьей самодеятельности, нагло и цинично попирающих исконные права казачьего народа, отвергающих его святую волю и желание стать свободным, независимым в среде других народов.

Удивляться столь болезненной и странной психологии противников вольноказачьего движения не приходится: она есть результат ошибочных воззрений и безволия. Это своего рода духовный вывих, неизбежное зло, которое всегда было, есть и будет, с которым надлежит бороться всеми силами до полного его искоренения на казачьей почве.

История нас учит, что, как в области науки точной, так и в области религиозно-философской мысли, а равным образом и в сфере социально-политической жизни народов, никогда ни одна великая идея не рождалась внезапно, но вынашивалась постепенно, выростала на почве подготовительной и, тем более, никогда она не достигала полного развития и торжества в короткий срок. Иногда проходили века в упорнейшей борьбе, прежде чем та или иная правдивая мысль получала признание, претворялась в жизнь.

Без борьбы ничто само собой не делается. Помимо веры в свою правоту необходима живая, действенная сила побуждений. Должно с упорством, настойчиво отстаивать свои идеи, стремиться поскорее провести их в жизнь, стараться полнее изобличить происки своих врагов и тем положить предел их козням.

При выборе же средств борьбы надлежит руководствоваться следующим мудрым правилом: истинная, хорошая и разумная цель может быть достигнута только хорошими и разумными средствами. Поясню кратко. Основным, управляющим двигателем, или как говорят, регулятивным принципом всей нашей познавательной деятельности является стремление к истине, добру и красоте. Пример. Если нормально развитой духовно человек к чему либо стремится, то стремится обязательно к истинному, т. е. соответствующему действительному порядку вещей, — стремится к настоящему, а не к поддельному; он хочет, чтобы это истинное в то же время непременно было и добром, т. е. хорошим, гармонирующим с его нравственной природой, не вызывающим противоречий и страданий; желаемое также вместе с тем должно быть и прекрасным, т. е. должно удовлетворять нашему эстетическому чувству.

Так гармонично сочетаются у нормально развитого человека ум, воля и чувство — стороны его духовной сущности. Собственные действия и поступки человек старается упорядочить единством определенной и разумной цели; причем действия эти должны всегда способствовать достижению цели, а не препятствовать ей... Задавшись, напр., вполне разумной целью — принести для себя воды, нельзя в качестве средства воспользоваться решетом: цели не достигнете, но рискуете попасть в сумашедший дом, как человек с ненормальным мышлением. То же с вами повторится, если, обратно, вполне хорошими средствами попытаетесь достичь абсурдной цели, напр., пожелаете ведрами вычерпать океан...

Девиз иезуитов: „цель оправдывает средства" не всегда приводит к желательным результатам, но часто вредит и часто бывает безнравственным. Пусть им пользуются ограниченные любители легких, но и непрочных побед.

— Обратимся теперь к противникам В. К. В данном случае я хочу остановить внимание наших читателей на тех из них, которые в своей предательской работе против В. К. прикрываются его же именем, маскируются под вольных казаков...

Известно, что во всякой борьбе, в том числе и политической, стоящий на принципе порядочности (одинаково — будет ли то целый народ, общество, партия или отдельный человек), всегда будет стеснен в выборе средств борьбы, так как в этом смысле ограничен моралью и принципом целесообразности, тогда как его противники ничем не стеснены: их арсенал битком набит всевозможным оружием — для них все средства хороши.

Одним из этих средств является притворство, лицемерие, предательство. Коварные люди облекаются в личину, чтобы незаметно и легче приблизиться к противнику, проникнуть в его стан, войти в доверие и в нужный момент нанести ему смертельный удар в спину. Честный бой для них не по душе.

Так именно и поступают самозванные „вольные казаки", т. е. те лица, которые ложно прикрываются этим именем, на самом же деле в рядах В. К. не состоят, на пользу его не работают и по своим взглядам ничего общего с ним не имеют.

Одни, — с целью шпионажа, чтобы выведать слабые стороны противника и секреты его тактики, долго и настойчиво прикидываются именем вольных казаков, вступают в интимные разговоры и близкие отношения с его представителями, все выведают, узнают и тихомолком все передают тем, которые на основании добытых материалов составляют планы и ведут уже открытую борьбу с ВК. Самый подлый и гнусный вид вольноказачьих врагов — это враги этого именно типа; они действуют до тех пор, пока их не изобличат или они сами не выдадут себя случайно. Парализовать подобные „вылазки" можно, противопоставив им крайнюю осторожность в разговорах и сугубую скрытность в своих намерениях. Излишняя доверчивость недопустима.

Другие самозванцы во всем копируют вольных казаков: в речах, писаниях и прочем. Делают это они очень осторожно, никогда не употребляя ясных мыслей и точных выражений, отделываясь туманными словами, которые при нужде можно истолковать по разному. Но все же к ним привыкают, считают за своих и бдительность ослабевает. Вот тут то они и начинают потихоньку-полегоньку подсовывать в машину гвозди, подсыпать песочек во все втулки. Это — „доброжелатели" типа Шевель.

Что можно возразить против выдвинутого им положения о необходимости почтения к старшим? Конечно, старших почитать нужно, и в. к. не только отлично это понимают, но и на деле осуществляют, в чем и Шевель по собственному опыту мог убедиться. В чем же дело, спросят некоторые? А в том, что Шевель под фирмою добродетельных поучений хочет подсунуть вольным казакам здоровенный „гвоздь" в виде определенных „старших", которые спят и грезят как бы уничтожить ВК. Согласиться с доводами Шевеля, это значит молчаливо признать пропаганду и поступки „старших", направленные во вред ВК. Раз почитаешь, — значит, молчи и не противодействуй. Шевель хитро умалчивает о том, (а может и не додумался), что почитание старших не является голой формулой казенного устава, а всецело основано на предпосылках морального характера, одинаково и, прежде всего, обязательных для старшего. Почитают старших, когда они этого заслуживают сами и презирают их, когда они не могут вызвать своим поведением и деятельностью добрых чувств у младших.

Третьи противники ВК лицемеры, шепчущие о себе, как о вольных казаках, на всех захолустных перекрестках, но выступить открыто, назвать свои имена не решающиеся: в душе они не в. к. и дело для них может обернуться неприятно; поэтому они предпочитают питать раздор и сеять смуту в сердцах случайных и доверчивых людей скрытно, из за угла, развивая „работу" во всех направлениях и стараясь всем внушить, что они и есть „самые ценные и видные" хотя и не состоят в рядах ВК, — что они самые просвещенные „старые" последователи его идей.

— Вот только беда в том, — говорят они, — что у ВК в настоящее время нет достойных руководителей, — те, что сейчас работают, никуда не годятся; если бы все дело поставили под наш полный контроль или — лучше — поручили бы его нам полностью, то ВК тогда пошло бы вперед быстрыми шагами.

Под шумок же эти самые „ценные"и „видные" не прочь вступить в сделку с какими угодно нашими противниками. Цель у них одна — скомпреметировать тех, которые стоят на страже вольноказачьих интересов,

работают молча без шума. Им нужно посеять в массах недоверие, дезорганизовать движение и тем нанести ему чувствительный удар, может быть не только по соображениям политики, но и и ным.

„Видных" интересует не столько идея ВК, сколько их личное тщеславие, зависть и корыстные расчеты. Остальное для них трынь трава. Определить их не так трудно, „стоит лишь вспомнить слова Св. Писания: „По делам их узнаете их".

Выдавая себя за вольных казаков, эти лица всегда с видом особенной заботливости говорят о благе ВК и тут же, ничем не стесняясь, делают все возможное, чтобы как можно ему сильнее повредить. Иногда „видные" выступают во враждебной нам печати (иногда из трусости анонимно) и тем выдают себя с головой.

Истый вольный казак никогда себе этого не позволит, да и враждебная печать не стала бы пользоваться их материалом, если бы он не был ей полезен, а значит и наоборот, — не был вреден ВК-ву. Тут налицо или полное совпадение политических интересов пишущих и печатающих, или полная беспринципность „самых просвещенных".

Есть и четвертая категория „вольныых казаков", которые доходят до абсурда, пытаясь убедить несведущих слушателей в том, что сама идея ВК, имеющая многовековую историю в прошлом, „родилась" именно у них в голове и даже точно обозначают дату...

По их словам, — это они подняли знамя вольности и вдохновили вольных казаков. Но ответить на вопрос — в чем и когда появилось это их „вдохновение", они не могут... Факты говорят обратное: с первых дней организованного выступления вольных казаков и и появления журнала „ВК" они только тем и занимались, что всячески хулили подлинное ВК.

— Это ничего, — твердят они, — „зато теперь у нас есть неограниченные возможности и большие силы „в массах" для поднятия идеи ВК на должную высоту; но нам необходимо прежде всего взять в свои руки все руководство, а тогда...

— Отчего же до сих пор Вы не проявили свои силы и возможности, спрашиваю их.

— А нас не допускают к работе в редакции „ВК" и не хотят передать нам руководство ни полностью, ни частично. А без этого, сами понимаете, ничего не сделаешь...

Вот в этом именно и заключается вся „сила в массах" у четвертой категории самозванцев. У этих господ все сводится к тому, чтобы без всяких на то поводов, получить в свое распоряжение чужой труд, чужие достижения, а тогда они уже покажут кузькину мать, проявят все свои „недюжинные способности" по организации „масс" и их „вдохновению". Только допустите.

Каковы были бы результаты от такой „передачи", — не трудно догадаться, ибо „вдохновители" всегда толковали, да и теперь под шумок толкуют о „единой, неделимой", так что вопрос — яснее ясного.

Хотя в последнее время все эти лже-вольные казаки стараются действовать единым фронтом, об'единяясь с другими нашими противниками, тем не менее большой опасности для В. К. они не представляют. Однако, оставлять без внимания их проделки не следует. Их нужно быстро расшифровывать и очищать от них свои ряды, немедленно же, если какой случайно заведется, дабы они не мешали вольным казакам спокойно делать свое дело.

Вот схематический ответ на вопросы некоторых вольных казаков.

Будем же осторожны в применении ходячих „истин" к нашей работе. Постараемся почаще вспоминать сказку о Правде и Кривде, чтобы не теряться и не впадать в соблазн иных путей. Станем со вниманием и усердно изучать самих себя и характер нашего врага, чтобы успешней с ним бороться. Активность и благоразумие в постановке ближайших задач и должный выбор средств к их достижению помогут нам скорее приблизиться к торжеству нашей идеи.

Вольное Казачество ставит себе великую и прекрасную цель — освобождение Родины и создание независимой Казакии. Оно избрало достойный Казачества путь, — путь равенства, братства, свободы, завещанный нам историей славного прошлого наших прадедов. Оно зовет всех казаков бороться за Правду и Волю казачью. А кто смело борется за Правду и Волю, тот всегда победит.

И. Билый.

Еще раз „К. К." и г. Соламахину.

„К. К." ВООБЩЕ.

На анонимки не отвечаем.

По поводу же анонимного „письма", помещенного в сентябрьском номере „К. К." и подписанного якобы „вольными казаками из Праги", не для „К. К.", а для читателей „ВК" можем сказать только следующее: К анонимным приемам „полемики" прибегают лгуны, провокаторы, трусы и вообще люди не честные.

— Эй вы, „вольные казаки из Праги", если вы не трусы — подпишитесь своими именами — получите ответ. Подпишитесь, — довольно играть в темную. Подпишитесь — имейте мужество брать на себя ответственность за свою пачкотню. Подпишитесь — не подсовывайте своей гнусности другим...

А может быть это сам г. Соламахин сочинил и подсунул „вольным казакам из Праги"?

— Кто говорит правду, кто честен и не трус — тот всегда действует открыто и берет на себя ответственность за свои слова и действия.

ГОСПОДИНУ СОЛАМАХИНУ.

Скажу откровенно, что предлагая в № 110-111 „ВК" госп. Соламахину казачий суд чести, я думал тем самым спор с ним, по скольку он касается уже нас лично, отнести в будущее и сделать его до некоторой степени нашим „частным делом", чтобы не заполнять страниц журнала полемикой личной. Исходил я при этом не из боязни самой полемики, а из того соображения, что в данный момент заполнять страницы казачьей прессы персональными вопросами в ущерб общеказачьему делу прямо таки грешно. Говорил и еще раз говорю, что в конце концов всех нас рассудит казачье будущее по делам нашим.

Это мое основное намерение нисколько, очевидно, не разделяется госп. Соламахиным (а значит и ген. Науменко, ибо „К. К." издается кубанской канцелярией и является официальным органом ген. Науменко). Что это так, свидетельствует не только письмо „вольных казаков из Праги", но и „ответ" самого г. Соламахина о том, что „вызов принимается". Ведь казалось бы, что раз „вызов принимается", то... он принимается и — точка. Потом уже делается только то, что логически следует для обеих сторон из принятия вызова. Дальше: такие вызовы принимаются без всяких но — да или нет.

То же, как это сделал г. Соламахин, обращая вызов или вернее свой ответ на вызов не то в истерику, не то в фарс, ставит меня в недоумение и заставляет еще раз браться за перо по этому поводу.

Я никогда не имел дела с дуэлью и не знаю, так ли вызывают на дуэль, если о ней речь идет серьезно. Все же хочу предупредить:

не спешите, г. полковник, с вызовом на дуэль, — ведь еще неизвестно, чем кончится суд чести, мой вызов на который Вы приняли, а потому неизвестно пока и второе — кому в действительности придется отказываться подчиниться постановлению суда.

А так как Ваше утверждение о „неоднократном

моем отказе подчиниться постановлениям судов" является Вашей чистейшей выдумкой (уже в силу одного того, что таких „постановлений судов" не было вообще), то у меня закрадывается большое подозрение в том, что все письмо „вольных казаков из Праги" — Ваше собственное сочинение для вставки в него Вашей же фантазии о судах, а сие последнее нужно было Вам для истерики (или фарса?) о дуэли, чтобы отвлечь таким образом казачье внимание от суда чести.

Признаюсь, что и самый „вызов" г. полковника, и особенно „тон" вызова меня смутил. Все это совсем не вяжется со всеми моими представлениями о дуэли, почерпнутыми в юные годы из соответствующих романов (других представлений о том не имею). Там — „жесты" и „джентльменство", здесь — похоже на разнузданную выходку человека, у которого загорелась на голове шапка...

Да и как мне не смутиться? — „положение" не равное — стрелять действительно не умею, шашкой фехтовать — тоже; о кодексах — никакого представления (кроме, конечно, смутного „романного").

Делать же все нечего — делать что то нужно. Так — „ни за понюх табаку" — подставлять свой лоб опытному полковнику — кому же охота? Да и мысль в голове заработала — тоже еще не хочет расставаться с моим телом...

И тащит она мне из глубины романных воспоминаний вещи понемногу меня ободряющие. Прежде всего, говорит, это госп. полк. немного переборщил, „предоставляя" тебе (т. е. мне) выбор оружия: раз уж он тебя вызвал, таких прав „предоставлять" и „ограничивать" он больше не имеет никаких, тогда это уже твое право выбирать оружие. — А я, конечно, выберу!

Пока остановился на ... праще и... каком нибудь 14 дюймовом орудии без всяких прицельных приспособлений — по крайней мере будем в одинаковых условиях с г. полковником. А то он хитрый — на пулеметах, говорит! — Научился, напрактиковался сам... так хорошо ему „вызывать"!.. Впрочем, чем черт не шутит, а что если я да тайком (время еще есть) поупражняюсь в самом деле на каком нибудь пулемете новейшей системы, которая госп. полковнику и не снилась пока и на который он перед дуэлью смотреть будет как корова на новые ворота — ведь этак „положение" для нас может обернуться на 180 градусов! — А может я и еще что придумаю, пока время позволяет. Пусть ка теперь г. полковник поволнуется немножко на счет этого самого оружия...

Читал я когда то и еще одну вещь, могущую, может быть, меня совсем избавить от необходимости „встречи у барьера" с воинственным полковником. Правда, относится ли это к „кодексу" или вообще к „морали" — не помню, но однажды случился такой „случай": однажды тоже один из опытных дуэлянтов, застигнутый и уличенный в делах, мораль которых подлежала разбору самого обыкновенного мирового судьи, тоже хотел отыграться дуэлью с неопытным изобличителем. Но, говорят, „кодекс" этого не позволил. Значит и мне придется поинтересоваться еще этими самыми кодексами... Только вот — какими? И сколько их? — Надо будет спросить опытных людей...

Я тоже не имел никакого намерения возвращаться к нашим с г. Соламахиным „денежным взаимоотношениям", т. к. все уже знают прекрасно в чем суть, а к тому же целы все письма, целы почтовые документы, живы люди... Для того же, чтобы закончить Вашу, госп. полковник, „характеристику", я позволю себе здесь только подчеркнуть то, в чем Вы сами уже признались открыто. Это будет хорошим и наглядным примером того, кто Вы в действительности есть и как Вы ведете борьбу.

В июльском номере „КК" (стр. 22) г. Соламахин ни с того, ни с сего заявляет: „Неоднократные предложения принять от г. Б. деньги для помощи нуждающимся больным казакам-старикам и прочими благовидными предлогами успеха не имели"... (Интересно еще знать, почему „успеха не имели"?).

Ясно, что я должен был ответить и раз'яснить, в чем дело. В № 110-111 „ВК" я пишу: ... „В свое время я через полк. Соламахина послал в „Фонд помощи" 100 (сто) чешских корон (около 160 динар), предупредив, что постараюсь посылать хоть немного каждый месяц. Т. к. в отчете о поступлении в фонд эта сумма показана не была; т. к. она не была и возвращена, равно как не была израсходована полк. С. и на переписку с вольными казаками, то я больше уже ничего не посылал, равно как и не писал ничего полк. С. по этому поводу. Это и все".

А теперь сравним, что пишет г. Соламахин в сентябрьском номере „КК" (стр. 32):

„В своей мелочной злобе г. Билый не преминул упомянуть о 100 кор. (160 дин.), высланных им лично когда-то на мой адрес нуждающимся больным казакам. Названная сумма ушла тогда же по своему назначению, на что у меня имеются от казаков документы, нигде в расход до настоящего времени не проведенные. [Почему? И. Б.]. Возможно, что своевременно я и забыл сообщить об этом г. Билому, но теперь разыскал в в. казачьем деле расписки и таковые имею послать ему для успокоения"...

— Итак, „неоднократные предложения" — всего навсего посланные мною через г. Соламахина 100 корон в пользу нуждающихся больных казаков-стариков, которых (денег) г. Сол. не передал по назначению в „фонд помощи", ими же [ген. Науменко и г. Соламахиным] учрежденный. Пусть читатели добавят к тому еще, что отчетность о поступлениях в этот фонд и его расходовании ведется в „КК" публичная.

Посылая свои 100 корон и обещая посылать еще [от чего я после отказался ввиду того „исключения", которое сделал для меня г. Соламахин], я нисколько не претендовал на „особую отчетность" или на то, чтобы г. Сол. сообщал мне, как израсходованы посланные мною через него в „фонд помощи" деньги, предполагая, что к моей лепте в пользу старых казаков „Кубанским представительством" будет приложена такая же мерка, как к подобным пожертвованиям других казаков.

Мне очевидно не нужно квалифицировать поведение г. „Войскового писаря" — это сделают читатели и сами, ибо все дело яснее ясного.

Читатели видят, что весь этот „вопрос" поднялся не по моей вине и если бы я действительно хотел вредить г. Сол., я давно бы открыто потребовал от него или передать предназначавшееся в „фонд помощи" по своему прямому назначению, или вернуть его мне. До „тайных" же или собственных фондов г. Сол. мне нет никакого дела.

Говоря о моих „неоднократных предложениях" (июльский номер „К. К.", а что это за „неоднократные предложения" — читатели теперь уже все знают), госп. Соламахин поставил вопрос так, что г. Билый как будто неоднократно соблазнял его, госп. Соламахина, к каким то чуть ли нечестным делам и поступкам, а что он, госп. С., эти предложения отверг. Спрашивается, зачем же тогда в „К. К." обращаются с весьма убедительными просьбами ко всем казакам (без оговорки, что такие просьбы к самостийникам не относятся) жертвовать в пользу больных и старых казаков? — Я думаю, что не только для читателей „ВК", но и для читателей и последователей „КК" ясно теперь уже, что ничего скверного и нечестного не было в моем желании придти на помощь (наравне со многити другими казаками) старым и больным казакам. Наоборот, в поведении г. Сол. в этом вопросе не все хорошо, а может быть и не все честно.

Статья эта сдана была уже в набор, когда [6 октября] я получил от г. Соламахина — согласно его обещанию — следующие две росписки:

1. „Расписка. От полк. М. Соламахина мною получено заимообразно пятьдесят [50] динар, каковые обязуюсь возвратить к 10 мая сего 1931 года, в чем соб-

ственноручно расписуюсь. 21 апреля 1931 года. Белград. Дементий Е. Шульга, село Опаво, Банат."

2. „18 декабря 1930 года сто динар от Михаила Карповича Соламахина на проезд от Панчевского лазарета гор. Панчево до гор. Осиека получил Игнатий Шевель".

— Не понимаю, какое отношение имеет к нашему делу первая расписка? — ведь это заем г. Шульги у г. Сол. с обязательством вернуть, — словом — личное и частное дело Ш. и С.

Росписка вторая как будто подходит к делу помощи больным и старым казакам, но почему [если правда, что эта помощь оказана была из моих 160 динар] полк. Сол. оказывал такую помощь за чужой счет? Почему такая помощь оказана в „частном порядке", а не в общем, обычном для „фонда помощи"?

Повторяю: до частных дел г. Сол. мне никакого дела нет.

Я считаю, что теперь можно поставить точку. Поэтому думаю, что нашу личную полемику с г. Сол. я мог бы считать оконченной без боязни быть заподозренным в уклонении от полемики.

Думы и мысли.

Ив. Томаревский *(Болгария).*

Заветная дума.

Когда б я волю не любил,
То тем бы не был я, чем есть, —
Не знал бы предков я своих,
Не чтил бы славу их и честь.
Но я люблю, люблю свободу,
Казак я телом и душой,
За нашу волю, Казакию
Готов платиться головой.
Готов я жертвовать собою,
Лишь вольный был бы наш народ,
Казачье б было государство
В степях у тихих Дона вод.
Вот цель моя, мои желанья —
Казачьей волюшкой лишь жить,
В своей любимой Казакии
Ее лишь сыном только быть.

Тоже ответ.*)

Многоуважаемый г-н Редактор!

... Итак, идите смело своим путем. Защищайте свое родное Казачество и не давайте пощады нашим врагам, которые посягают на наши исторические права. Бейте врагов В. К. мечем слова своего всегда и всюду; ибо для нас дороже наше малое, нежели вражье чужое, хотя бы и большое.

Этот путь, по которому Вы идете и по которому следую за Вами я, ничуть не смущает меня. Наоборот, я с каждым днем чувствую себя уверенней; я все тверже и тверже становлюсь на него обеими ногами; при чем, даже мои немощные физические силы становятся бодрей. Источником силы для этого является Ваше правдивое, на исторических фактах основанное, казачье слово. Святая истина в нем есть, — именно то, что каждый шаг Ваш по пути к возрождению, вернее к воскрешению дорогого нам Казачества, — основан на неопровержимых доказательствах. Да как не восторгаться мне тем, что мы казаки от казаков ведемся, но не от „братьев" русских лапотников! Этот факт Вы опять таки подтверждаете историческими данными, чего мы не могли узнать, будучи под опекой этих „благодетелей" в бывшей Российской Империи, чего и теперь, находясь вот уже целых двенадцать лет в эмиграции, не замечаем в русской печати.

„Русские казаки" не могут опровергнуть Ваших доказательств; от них только и слышешь одно, что „мы казаки — русские люди", или „Вольное Казачество нам вредно". Хотя они это и говорят, но сослаться на исторические факты не могут, так как они их не имеют. Хотя бы для видимости что нибудь придумали и написали. Нет, этого не видно. Но что-то „русских казаков" мутит, не дает им покоя, а сказать что нибудь существенное и более положительное, чему можно было бы хоть чуточку поверить и затем сказать: — да, они тоже дорожат своим родным, они тоже стоят за дорогое нам всем Казачество они не могут. Да и вряд ли найдется у них смелость сказать что либо в защиту своего национального чувства (если только оно у них есть). По всему видно, что они просто боятся кого-то оскорбить этим.

Стыд и позор нашим братьям-казакам, именующим себя „русскими", именующим себя той кличкой, которую нам навязали силою „благодетели" из России еще со времени уничтожения самостоятельности Казачества.

Нам, казакам, надо ратовать за свое старое и утерянное сотни лет тому назад. В этом нет никакого греха и преступления; ибо все отнятое у нас силою — теперь должно быть возвращено без замедления и разговоров. С этим грабежом среди бела дня мы никогда не должны примириться. Спрашивается: по какому такому праву русские ограбили наших прадедов, живших без посторонней опеки, самостоятельно? — Да только по праву медвежьей силы и на основании широкой лапищи. Так это не право и не основание! Против насилия существует закон правды, за который мы и должны держаться. У нас, казаков, всегда велось и так ведется, что если сильный обижает слабого, то за него вступаются другие и не дают восторжествовать обнаглевшему силачу. Поэтому теперь казаки могут, смеют и должны кричать на весь белый свет всему культурному, цивилизованному миру о законе правды, о том, что нас ограбили в свое время, что и сейчас русские „благодетели" под видом большевиков продолжают нас грабить, истязая и убивая наших близких... Мы должны не кричать, а вопить о помощи, чтобы нам дали возможность возвратиться в свои родные края, освободить наших отцов, матерей, братьев, сестер из цепких большевицких лап, не допустили бы их до полной гибели, чтобы в будущем нам не препятствовали устраивать свою жизнь по своему, по казачьи, на основе самостоятельного, независимого ни от кого государства, чтобы в стране казаков вместо слез, страданий и рабства установилось, наконец, право, порядок, радость, братство и воля.

Наши предки, жившие под владычеством „матушки Москвы", хорошо узнали ее „материнское" сердце. Не даром до наших дней дошла и живет поговорка: „Не плачь, — Москва слезам не верит".

Так что же, неужели опять мы казаки должны смиренно стать под московский колпак и утешать себя единственной надеждой: терпи, казак, атаманом будешь! Хотя бы тебе до слез было обидно и больно, — терпи без конца и без краю!

При такой „заботливости" „сердобольной матушки" не захочется быть не только атаманом, но и его „помощником". Хорошо терпеть, когда знаешь, что терпишь за правду, за свое родное, когда знаешь, что этому терпению наступит конец, но преступно и подло терпеть во имя издевательства над своим народом, во имя его предательства и рабства. Не быть тому теперь, когда Казачество проснулось и нашло свою Правду казачью! Мы сами сумеем жить и распоряжаться самими собой, своей жизнью, своим кровным добром.

Братья казаки, всех казачьих Войск! Не верьте лизоблюдам из наших же „русских казаков"; они виновники во всех несчастьях нашего дорогого Казачества; они ведут к уничтожению нашей славной нации, которая достойна быть независимой и существовать совершенно самостоятельно, как отдельное государство.

*) От редактора: настоящее письмо помещаю вместо одного из ответов полк. Соламахину.

Я громко кричу: Браты! Не дайте погибнуть нашим родным и близким нашему сердцу. Там, в СССР, и здесь, за границей, враги Казачества ополчились, чтобы уничтожить нас и наших близких, чтобы стереть с лица земли Казачество. Настало время последней суровой борьбы за право жизни и мы должны бороться до последнего! Поэтому становитесь в ряды Вольного Казачества, которое находится на истинном, верном пути и зовет нас спасать нашу Страну Казаков.

Если не верите мне, то загляните сами на страницы журнала „ВК", хотя бы за последние три года, как это сделал я сам, и убедитесь — чего Вы не знали и никогда не слышали, живя под „крылышком" „матушки Москвы". Да если бы кто начал тогда говорить о том, о чем говорится теперь, а нам захотелось бы послушать это, то наверное непоздоровилось бы ни тому, кто говорит, ни тому, кто слушает.

Сколько бы раз я ни читал и не перечитывал свой журнал за это время, мне всегда было дорого и мило то, что там написано про нашу казачью историю, про наши мысли, надежды, желания, — про нашу душу казачью и больно становится, когда некоторые „братья русские казаки" хотят все это умертвить, уничтожить навсегда и посмеяться над нашей казачьей душой.

Настоящее письмо я закончу словами своего бывшего командира полка (1-го Линейного п.) генерал-лейтенанта П. И. Кокунько: „Так воспрянем же духом и вперед! К свету, к славе Казачества и к осуществлению того, что для нас всего дороже и к чему мы стремимся всей душой и всеми мыслями своими! Да сотрется глава змия, да обновится жернов осельстий на вые всякого злоумышляющего против Казачества и да потонет он в пучине морской! А Вільному Козацтву долгоденствие и славное житие на многое лета, на враги же победа и одоление теперь и во веки!"

Помогай Вам Бог, господин редактор, в Вашей трудной работе. Того же желаю и всем Вашим сотрудникам.

Вольный козак **Никифор К. Боровлев.**
[ст. Костромской, К. В.]
14 сентября 1932 г. [Бельгия].

Столпотворение Вавилонское, I под рубрику.

В жур. „ВК" № 103 один из сотрудников его отметил, что ген. Богаевский фабрикует новое, доселе неизвестное нам, казакам, войско под названием „Союз русских казаков", записывая казаков в казачье сословие, Казалось бы, над этой записью кое-кому надо было бы призадуматься. Для здравомыслящего казака это может показаться непонятным и противным закону, но все таки ген. Богаевский решил повторить запись и свое повторение о записи казаков в казачье сословие обосновать на постановлениях „Войсковых Кругов (Рады)".

Как видно, для такой записи ему понадобился авторитет каз. парламентов и он решил представить его читателю в русской прессе в кривом зеркале для новых смущений казачьих сердец. Смотрите, мол, казаки, ведь это вы постановили на В. Кругах и Кр. Раде о своем зачислении „в казачье сословие".

Привожу подлинные его, ген. Богаевского слова: „Как я уже об'явил, членами его [Союза Комбатантов И. С.] могут быть казаки всех казачьих Войск, участники Великой и гражданской войн, как на фронте, так и в тыловых частях, а также и те из не-казаков, кто служил в военное время в казачьих частях и, по постановлению Войсковых Кругов [Рады], имеет право быть зачисленным в казачье сословие" [„Пос. Нов." за № 4078 от 22-V-1932 г.].

Проверим все, кому дорого слово казак, то, что написал ген. Богаевский о В. Кругах и своей ересью „ущемил" Дон. парламент и донских казаков, а поэтому откроем „Донскую Летопись" № 1 стр. 307. В Дон. Конституции статья 71 гласит: „Все сословныя привиллегии и сословия отменяются" [Раздел V, глава X].

Если иметь в виду иногородних, сражавшихся в казачьих частях, то казаки еще „при Каледине издали закон об облегченном приеме иногородних в Казачество. Затем был издан закон о приеме в Казачество целых крестьянских поселений. Эти законы были в духе стародавних казачьих традиций [См. жур. „Каз. Думы" № 22[6] от 30-III-1924 г. стр. 20].

Стародавние традиции казачьей жизни говорят нам, казакам, не о казачьем сословии, а о самостоятельной казачьей жизни, о чем ген. Богаевский подтвердит: „Всевеликое Войско Донское, уже существовавшее, как самостоятельное государство с 1570 по 1645 год, в настоящее время, отделившись от советской России, об'являет себя вновь вполне самостоятельным ни от кого независящим, окончательно определившимся и суверенным государством". [„Дон. Лет." № 3 стр. 192].

Самостоятельно может жить только нация, народ и в данном случае речь идет о каз. народе. Вольные казаки подняли, по примеру прародителей, политический стяг священной борьбы за самостоятельное существование каз. народа.

Тяжело обо всем этом писать, но на высшем Донском посту стоит ген. Богаевский в роли политического еретика и своей ересью разрушает то, что кровью создавали донские казаки и все Казачество.

Но где же Н. Мельников, ближайший помощник ген. Богаевского и „обвинитель" казаков? Пусть он, Н. Мельников, дал бы раз'яснение ген. Богаевскому, ибо когда то давал же он раз'яснение Н. И. Курочке и напоминал ген. Краснову о том, что Казачество не сословие. Вот почему мы ответим ген. Богаевскому словами Н. М. Мельникова: ... „но как же он, будучи казаком, не знает, что такое казачество? Еще простительно быть не в курсе казачьего вопроса тем, которые видели казаков только в полку и потому и привыкли считать казачество лишь „военным сословием" или особым „родом оружия" [ибо у казаков были все роды оружия — и кавалерия, и пехота, и артиллерия, и авиация, и даже флот], ибо оно не только не было сословием, но в своем составе само имело несколько сословий [казаки дворян. сословия, казаки купеческого сословия — О-ва торговых казаков — и т. д." (См. „Вест." № 11, стр. 12 и 13).

Еще отрицание и как бы пояснение Н. М. Мельникова, что Казачество не сословие: „Трудно поверить, что П. Н. Краснову неизвестно, что Казачество не сословие" [там же].

Теперь дополним ген. Богаевскому, а Н. Мельникову подчеркнем из статьи „Маркиане и Казачество", написанное сотрудником - корреспондентом газ. „Пос. Нов." г. Кайсуговым, и вообще чтобы в будущем Н. Мельников поступал бы точно так же по отношению ген. Богаевского, как г. Кайсугов по отношению ген. Краснова, а именно: „А мы и не знали, что ген. Краснов — зловредный республиканец: ведь, это при нем, в его Атаманство, по его проекту, приняты были 15 сентября 1918 года Основные Законы В. В. Донского и в них, ведь, имеется такая статья 71-ая: „все сословия отменяются"...

Остается еще дополнить пробел противникам каз. самостоятельности словами г. Кайсугова: „Три-четверти века назад „сословие" имело свою территорию, свое вече — Круг, свою высшую власть, армию, флот... А в последние годы, годы гражданской войны, когда например, Войско Донское волею судьбы стало"... „государственным образованием, имеющим свою территорию, народ, свою законодательную, исполнительную и судебную власть, армию, свою денежную единицу... И все это только „сословие"? Пора бросить эту игру „[Осн.: См. „Пос. Нов." от 6 авг. 1927 г. за № 2327].

Таковы противоречия на фронте противников казачьего государства. Один записывает казаков в казачье сословие, а другой доказывает, что Казачество не сословие.

Трудно нам, казакам, но если будем молчать безстыдникам, которые формируют новое войско, записывая казаков в казачье сословие, то будет еще труднее.

Ив. Скобелин.

(Продолжение следует).

Кое о чем.

В одном из номеров „Кавказского Казака“ промелькнула такая фраза, что руководители ВК только благодаря своей воле и действенности держат власть над „темной“ казачьей массой.

Соображение это интересно потому, что там же хотят уверить казаков в существовании „гнезда“ предателей, продавших кому то, и т. д. Но вот у тех, кто так освещает положение вещей, выскальзывает одна очень важная, по нашему, деталь: наличие в ВК рядах молодежи.

Вот эту-то молодежь казачью обвинить во всех „художествах“, выдумываемых противниками ВК, как раз и трудно. Приравнять студентов к „темной массе“ никак нельзя, нельзя усомниться и в чистоте их убеждений.

В самом деле, ссылки на „предь до“, на „Анкету о Казачестве“, на заявления отдельных лиц, для нового поколения кажутся совсем неуместными. Ведь им казачьей молодежи, совсем не важно, что говорит или говорил когда то на Круге, или Раде, Петров, Сидоров, Иванов и т. д.; какое предложение поддерживалось и проводилось в старое время в жизнь, о чем говорит сейчас русская казачья старшина. Собирается ли она вести казаков на американских кораблях домой, или в Перу, или в Алжир, — для молодых казаков это все, ни больше ни меньше, как „моменты“.

Таких моментов, иногда чисто политического характера, было много: соглашение с Украиной, соглашение с Доб. Армией, переписка с Вильгельмом, выступление Миронова, Голубова, всякие постановления и пр. и пр. Если разобраться, то можно окрестить все одним словом — хаос. Одних вешали, других расстреливали, потом соглашались, наступали дружно и дружно же отступали; то собирали казаков и призывали, то бросали на произвол судьбы на Черноморском побережьи. Повторяю — таких моментов множество и вызываемы они были самыми разнообразными причинами. Отсутствие твердой линии и сознания национального единства привели к поражению окончательному. Когда собрались в Екатеринодаре на Верховный Круг — война с Советской Россией была проиграна.

Казачья молодежь ищет путь, по которому можно было бы идти, не повторяя ошибок прошлого. Среди хаоса политических убеждений, лозунгов и прочего, незыблемыми ценностями стоят: Основные законы, флаги, гербы и наличие Краевой власти. И краеугольным камнем ложаться в основу убеждений — Конституции.

Так как примечания к ним и предисловия являются всего лишь „политическими моментами“ и ни к чему не обязывают, то они совершенно отпадают и не могут служить к руководству и к согласованию с ними. Потребуй обстановка иного примечания, нашлись бы авторы, которые таковое бы и сделали.

Вся эта дипломатическая шелуха с годами опала сама собой. Кончились переговоры с Вильгельмом, с Доб. Армией и т. д.

К каким способам и к каким „политическим моментам“ „оговоркам“ прибегали былые вожди Казачества — в „данный момент“ совершенно не важно. Все ухищрения „дипломатической стряпни“ свелись на нет и утеряно самое главное, что дает бытие и лицо всякому народу — территория, власть, законы и т. д. Армии казачьи разбиты, народ порабощен. Такова действительность...

Итак, констатируя такой факт, студенты-казаки в добавление ко всему, слышат из уст быв. Председателя Н. М. Мельников заявление о „банкротстве“ старых вождей.

О чем волнуется „Кавказский Казак“ и все с ним? — Каждому ясно: у казаков ничего больше нет, а будущее столь неопределенно, что надеяться на „авось“, да еще при „кривой оси“ — абсурдно.

У казачьей молодежи сложилось такое убеждение: все надо начинать сначала. Надо искать в Казачестве новых людей, надо воспитать казачьи массы и внушить им твердость и сознательность, а также — сознание ответственности за судьбы Казачества и его территорий.

Игра проиграна, снова тасуются карты, при новых козырях ведется новая игра по иному. Конец ее должен быть успешен потому, что казаки стали осторожны, не ходят с тузов, размахивая шашками, а сберегают сильную карту для последней сдачи. Вольное Казачество — результат опытности, сознания своих ошибок, использования обстановки, а каждый вольный казак, становясь на свой казачий шлях, горит одним желанием — победить и победить во что бы то ни стало.

О какой же кучке „подлецов“ и „предателей“ говорят: „банкроты“?

Неужели же у Казачьего народа в результате векового существования осталось только две кучки: кучка банкротов да кучка подлецов?

Казачья молодежь держится несколько иного мнения о Казачестве и его руководителях.

Мы выше упомянули о действительных казачьих ценностях. Но они приобретают для нас, националистов, еще большую ценность потому, что за них лилась казачья кровь, за них борятся и сейчас повстанцы, томятся в лагерях наши братья и мы сами с этими ценностями ушли в скитания на чужбину.

Наша ли вина в том, что наши Атаманы не учли того, что мы смотрели на них, как на символы нашего национального я, а не рассматривали как личностей? Для нас Богаевский и Науменко, есть просто Богаевский и Науменко, но подведенные под присягу, вооруженные доверием и законами — они были для нас символами Казачества.

Да — институт Атаманской Власти таким и останется для каждого вольного казака, но люди, использовавшие свое высокое положение и авторитет на служение чуждым Казачеству интересам, а в минуту глубочайшей трагедии поведшие казаков на борьбу со своими же казаками, отстаивающими казачьи вольности и свои законы, — такие люди для казачьей молодежи явились теми же „политическими моментами“, тем же результатом неудачной „дипламатической стряпни“. Они своего рода „примечания“ и „оговорки“, которые сбили и сбивают Казачество с истинного пути.

Если там казаки обескровлены и обезличены, то здесь, они обезглавлены и, конечно же, наши братья, взывающие о спасении их и о скорейшем освобождении там, как и мечтающие о возвращении и победе, здесь тратят напрасно последнюю энергию, гроши и кровь.

На одном из моих докладов в провинции, один старик (есаул Донского Войска), подойдя спросил с ужасом: Неужели это правда?.. Неужели наше положение такое отчаянное?

И сам же потом ответил: — Да, да... Это верно... Чувствую, что я умру здесь, на чужбине...

— Какой же смысл нашего пребывания здесь?..

По Мельникову — весь смысл в сознании нашего полного „банкротства“, по Кубанскому Представительству — в „Испанской революции“ и в обработке девственных лесов Перу или Африканских просторов...

Если бы читатели видели возмущение, охватившее казаков, то многие бы нашли над чем подумать перед тем, как бросать грязью на национальное движение В. К. Характерно то, что ВК только указывает вехи, только вселяет надежду, указывает путь. Характерно и то, что все, кто привыкли рассчитывать на других, подчиняться и не мыслить, никак не могут его понять, или разочаровываются и спешат к иным берегам. В тяжелую минуту тяжелый и лозунг: ориентация на самих себя.

Кстати надо сказать, что первое испытание массонов состоит в том, что человека ставят в самые трагические условия и смотрят как он выходит из них. И мы, казаки, должны выйти из этих ужасных испытаний, нагроможденных на нас судьбой и нами же самими. Именно и нами самими, так как валить все на судьбу не только нельзя, но если хорошенько разобраться, то судьба во многом нам и помогала. Во всяком случае, пословица: „не знаешь что найдешь, а что потеряешь“ полностью применена быть не может, так как, кто бережет, тот меньше теряет, а кто смотрит под ноги — чаще находит.

Самое странное для молодежи — обвинение в предательстве России. Из за освободительной войны многие кончили среднее образование заграницей, высшее в иностранных школах и для многих общение было только со своими казаками, так как „руководство к организации казачьих Станиц и Хуторов заграницей“ — данное Красновым и подхваченное Богаевским и Науменко, часто изолировало казачью массу от тлетворного влияния российских колоний и прочих бытовых и професиональных организаций. Правда, сравните вы казака, оставшегося в полках, подчиненных ОВРС, и состоящего в казачьей организации при своем станичном атамане, и вы поймете, как инстинктивно казачьи верхи способствовали укреплению и развитию национализма даже в тех случаях, когда сами они того не желали... Но что толку в инстинктах. Инстинктами руководятся звери.

Инстинктами может руководиться „темная“ масса, но вожаки должны всегда знать, что они хотят, куда ведут и что нужно идущим за ними.

К этому „руководству“ мы вернемся когда нибудь.

И вот эта молодежь, получив развитие, отнюдь не российское, вращаясь исключительно в казачьей массе, о России знает лишь то, что она есть СССР, что русский народ убил своего царя, а его эмиграция есть класс, не имеющий в СССР права даже на обыкновенное серенькое существование; к тому же разбитая на безконечное множество групп, партий, союзов, об'единений и т. д. и т. д.

Кого может „предать“ казачья молодежь?..

У нас одни интересы — казачьи. Их она защищает, проповедует, за них борется и с нескрываемым удивлением наталкивается на „примечания“, „оговорки“ на „фонды“, и... раскрывает рот перед „банкротами“.

— Мне бы Мельникова пощупать... Какой это он „политический банкрот“!.. — говорит студент.

И если он банкрот, то почему же он не возопиет к Казачеству, не скажет прямо? Наконец, почему сами казаки не соберутся во „единый круг“? Почему все заботятся о своем завтрашнем дне и в первую очередь „вожди“, а не задумаются над тем, как сделать, чтобы можно было хоть немного подумать и о судьбе Казачества?

Да в конце концов пребывание заграницей разве конечной целью имеет — открытие банков, издание пасквильных информационных листков и прочих „достижений“? И уж если мы подошли к основному вопросу, то не грех его будет поставить перед каждым казаком.

В чем наша цель: отказаться ли совсем от проведения в жизнь тех идеалов, за которые мы боролись, или борьбу за них нам надо продолжать?

Наши противники, которые совсем не заслуживают того внимания, какое мы им оказываем, говорят: вы существуете уже четыре года и ничего не сделали и проч. и проч.

Тот, кто сказал, что он будет бороться и вступил в борьбу — уже борется.

Вам нужны осязательные успехи? — Есть и они. Их не видит только тот, кто не желает видеть. Посмотрите на вольных казаков, на молодых и старых — кто они сейчас, а кто были несколько лет тому назад? — Разве это не успех: помирить всех казаков и неказаков на одной животворной идее Национального Единства и Воскресения?

Не есть ли это шаг к устранению первой причины нашей гибели — войсковой признак и „физиологические“ расхождения „великороссийских казаков“ с „малороссийскими казаками“?

Вспомним бессмысленную борьбу линейной и черноморской партий, или на Дону „московствующих“ старшин и сторонников казачьей свободы...

Сколько было „белых движений? Перечислим их: Деникин, Колчак, Миллер, Юденич, и так далее. Кольцо вождей давило большевицкую гидру. И что же — гидра жива. Кольцо оказалось глиняное. Поверив ему, некоторые из казачьих водителей погубили Казачество.

Мы категорическим образом против проведения у нас, в казачьих землях, белых идей. Таким образом устраняется вторая причина нашей беды, которая натравила на Казачество всю большевиствующую Россию и оттолкнула естественных союзников.

Третье явление, не менее важное — выявление подлинной сущности былых вождей Казачества. В них тоже многое и многое кроется. Оказывается, они — банкроты, они ошибались и впредь будут ошибаться; оказывается, они сочувствовали разгрому и издевательству над Казачеством; оказывается, интересы казаков для них менее близки, чем интересы русские...

Посмотрите-ка: какие занимательные люди прошли перед Вами: самоуверенный раньше Мельников, об'явивший теперь себя и Атаманов банкротами, Богаевский, организовавший союз „русских казаков-комбатантов“ и прячущийся за спину Миллера; Науменко, вешавший Кулабухова „как гражданин Кубанской области“; Соламахин осведомитель в среде своих же братьев казаков; Шкуро — отрицающий все, кроме шашки и готовый отрубить голову даже Истине; Макуха, Сиволобов, Чапчиков и пр. и пр.

Ее-Богу, кажется, что лопнула та язва на казачьем теле, которая надувалась, заставляла Казачество терять рассудок, метаться в горячечном бреду, бросать своих родных и все дорогое на поток и разгромление. Опытний хурург — время — проделало эту операцию, а сравнительно мирные условия заграничного пребывания способствовали тому, что болезнь достигла своего аппогея и нарыв лопнул. Нам остается гной удалить и рану перевязать.

Господа „гробокопатели“! — самый же осязательный успех будет тогда, когда рана заживет и казак возмет в руку... булаву Казакии.

Борис Кундрюцков.

Близится день 5 октября (18-го по новому стилю) — день тезоименитства покойного цесаревича Алексея. Вероятно все „русские казаки“ и их вожди будут, по примеру прошлых лет, праздновать и в этом году „Войсковой праздник“ Дона и Кубани.

Напоминаем всем казакам, что день 18 (5) октября — праздник единонеделимцев из казаков. Ничего казачьего в этом дне нет.

Считаем не лишним припомнить, что этот же день 18 (5) октября был праздником и старой русской полиции.

Полиция и казаки — распоряжением старого царского пр-ва — должны были праздновать в один и тот же день. Не кажется ли вам, братья казаки, такое „совпадение“ намеренным, характеризующим взгляды покойного царя на казаков, как на всероссийскую полицию?

Те, кто будет приглашать вас праздновать „Войсковой праздник“ 18 (5) октября, те втайне, а иногда и явно мечтают о возвращении Казачества к роли русской полиции.

Хотите ли вы того, братья казаки?

Пусть же 18 (5) октября празднуют только „русские казаки“, только единонеделимцы, только те, кто мечтает о полицейской роли в России будущего, мы же, вольные казаки, будем праздновать свой праздник 10 декабря.

Санжа Балыков.

Изощрения недругов ВК.

II.

В прошлом номере я обращал внимание станичников на попытки некоторых наших противников подорвать доверие казаков к печатному слову, обесценить журнал „ВК“ и всяческими измышлениями настроить их против лиц, работающих в центральном аппарате ВК-ва.

В этой заметке я прошу всех честных и преданных Казачеству станичников обратить внимание еще на одну из вражеских козней: всем известно, что в современной борьбе людей (государств, политических партий и пр.) широко применяется шпионаж и провокация. Этими средствами широко пользуются и противники Вольного Казачества.

Почти с самого начала в нашу среду разными способами то и дело проникали вредные элементы (личные честолюбцы, ищущие только „роли“, рвачи денег, мелкие шантажисты и др. и между ними скрытые враги, цель которых была — до поры до времени активно и лойяльно работать, выдвинуться, занять положение в ВК, а потом сбросить завесу и сделать свое гнусное дело.

Хотя многие из них своевременно „раскусывались“ и отстранялись, но некоторым всеже удалось было „стабилизоваться“. В конце концов разоблаченные, они после своего удаления выдают себя за „вольных казаков“ часто записывая себя задним числом в „основоположники“. Кочуя ныне по страницам враждебных ВК журналов, усердно помагая им в борьбе с нами, с вольноказачьим центром, делают они свое предательское дело в пользу поработителей Казачества.

Станичники, если Вам придется встречать всякие „информации“, исходящие якобы от „вольных казаков“, но напечатанные во враждебных ВК журналах, то знайте, что это не вольные, а л ж е в о л ь н ы е казаки, так сказать — волки в овечьей шкуре.

Ни один настоящий вольный казак, не пойдет помогать врагам казачьей воли.

Само собою ясно, что если их писания, иногда даже анонимные, полные сплетень, печатаются на страницах журналов, враждебно относящихся к защитникам казачьей свободы, то это выгодно им, а не казакам.

Казакам надо знать, что среди этих лжевольных казаков преобладают главным образом три элемента:

1. Люди, которые, ничего не делая для ВК, имея службу и заработок на стороне, хотели бы за свое „сочувствие“ получать деньги и от ВК, как это имело место в первые годы. Одни из них, потеряв эту возможность, пытались даже судом вытягивать не причитающиеся им деньги.

2. Люди, которые даже служа в ВК, получая деньги, иногда входя в состав руководящих органов, но ничего фактически для ВК не делая, держали тайную связь с противниками и за три года своего „вольноказачьего состояния“ не дали на страницы „ВК“ ни строки с своим именем, ни даже псевдонимом, боясь, что их тайные союзники будут тем недовольны. Эти люди, уйдя из ВК, немедленно находили недурное устройство при помощи наших врагов.

3. Это — просто несчастные люди, основательно потершие пороги различных „партий“, суетливые бездельники, собиратели сплетень и анекдотов, за рассказывание которых находят там и сям обеды, вечно на что то претендующие, но ничего никогда не делающие, морально опустившиеся люди; грустное явление эмиграции.

Тяжел и тернист путь народа после сотни лет неволи поднявшего флаг независимости. Помимо врагов внешних, естественных, ему приходится сталкиваться с сотнями козней врагов внутренних, — ренегатов и предателей.

Поэтому вольные казаки ко всяким ухищрениям врагов ВК должны относиться более хладнокровно, не доверяя их клеветническим ухищрениям на слово.

Как бы „сладко“ они не писали, они ведут Казачество в вечную кабалу, в неволю и зависимость.

Тяжела и опасна наша задача, но мы стремимся к светлому будущему Казачества. Эти два момента особенно не забывайте, станичники.

Господину ген. штаба М. Соламахину.

(Письмо в редакцию).

В Вашей информации „К. К.“, изощряясь в пугательствах по адресу всех активных вольных казаков, не забыли Вы и мою персону. Почитав ее, подумают люди: ведь вот подлец то Поляков!! А Соламахин то — конфетка!

Но все дело в том, что людям свойственно ошибаться! Об этом я и поговорить хочу. И о некоторых „противоречиях“. И так — по порядку.

1. Вы утверждаете, что я сам „недавно раскаялся“.

Да, я почти на два года замолкал. Но, исключительно потому, что все в.-к. движение здесь, в Югославии, вы забрали было в свои руки. Я вам не верил, своим друзьям об этом заявил и — отошел, выжидая. Вышло по моему — Вы оказались „осведомителем“.

И когда от Вас вольноказачье движение освободилось, я немедленно вернулся.

2. Вы утверждаете, что Вы только были „осведомителем“.

Об'ясните же нам, за что бросал в Вас табуреткой в присутствии генерала Науменко покойный Топорков? И для чего после этого Вам понадобилось от меня письмо на имя Науменко, которое я вам послал и копию чего сохраняю?

3. Припомните и об'ясните, за что Вы хотели убить студента Залозияго?

Помните, как Вы прибежали ко мне и потребовали этого, заявляя, что студент Залозий разглашает тайны В. К...“ Если Вы это не вспомните, то я Вас попрошу подать на меня в суд — там я со свидетелями все это докажу.

Я, конечно, отказался кого бы то ни было убивать. Особенно Залозияго. И вовсе он не разглашал никаких „тайн“, а просто напросто в одной семье (Вам знакомой), о Вас „выразился“. Вот и все. Зачем же человека убивать из-за Вас? Стоите ли Вы того? Да мы и не генералы и не большевики, чтобы кого нибудь „пускать в расход“. Так Ваше дело и не выгорело!

4. Об'ясните нам, для чего Вы разсылаете „своим людям“ — „не для печати“ копию письма генерала Шкуро великому князю Андрею Владимировичу, скрепляя: „с подлинным верно, полковник Соламахин“?

5. Когда Вы в первый раз выступили против нас в Вашей информации, я Вам написал опровержение, где, между прочим, было сказано, что если таковое не будет напечатано, я вынужден буду огласить в печати кое что о Вас.

Вы стали искать со мною „точек соприкосновения“. И нашли. И лицо, которое согласилось быть посредником, передало мне, что Вы просите сей последний пункт выбросить — остальное все Вы соглашались напечатать. Я, не желая резко выступать против Вас, на это согласился. Но за моим переделанным опровержением Вы не явились, пока не выпустили информации, где и об'яснили неперед, — зная что я хотел о Вас писать, — что Вы вовсе не принимали участия в В. К. движении, а только „с ведома Атамана были осведомителем“.

Напечатав информацию и выпустив ее, Вы зашли

за моим опровержением. Но лицу, бывшему посредником, я заявил, что с Вами, как человеком, неумеющим честно бороться, — впредь я разговаривать не намерен.

И опровержение первое было порвано в Вашем присутствии, а второе я взял назад и оно у меня.

Итак, господин полковник: у кого же „моральные качества слабо выражены в положительную сторону"?

Кто же „подхалимствует"?

Кто „охамел"?

Между прочим, я имею еще кое что с Вашей подписью и, поверьте, когда придет время, все напишу.

Не ругаясь, не брызгая слюной — по пунктам!

И пусть казаки разбираются.

То же обстоятельство, что „всех в. казаков 15 октября вышлют из Югославии" — слух, распространяемый Вами и вашими эмиссарами в провинции, — мы проверим и уже 16 кое что сами предпримем. Довольно, знаете, миндальничать.

Примите уверения в искреннем к Вам и полном неуважении **П. Поляков.** — 29-ти лет, а не 33-х, как Вы изволили „ошибиться".

Последнее слово Соламахину.*)

... Вам не понутру пришлись некоторые факты, а потому Вы и кричите о какой то „тройной лжи". Если слухи относительно Вас в чем нибудь грешат, так в этом я совершенно не повинен, ибо нисколько не придавал им, как это проделываете Вы, значения фактов, что ясно оговорил с своей статье, подчеркнув, что это — слухи. Адресоваться Вам надлежит не ко мне, а к авторам слухов и если хотите их опровергнуть, то для этого недостаточно голословного заявления — „тройная ложь", а надо постараться опровергнуть фактами. То, что Вы 28 февраля находились в Петрограде, никого не может убедить в том, что две недели спустя Вы не находились в ст. Некрасовской или вблизи ее.

Далее, Вы сами теперь сознаетесь, что обвиняя меня в присвоении чина полковника, руководствовались не приказами по Кубанскому Войску, а всего навсего старой справочной книгой. Поэтому и не удивительно Ваше выражение: „произведен неизвестно за что". Неужели Вы полагаете, что до Вас в Кубанском В. Штабе сидели ничего не смыслящие люди, которые способны были производить в чины офицеров и писать приказы без всяких к тому оснований? Однако я более чем уверен, что Вы в приказе о моем производстве в Войсковые старшины, а потом и в полковники прочли следующее: ... „За самоотверженную и плодотворную работу по спасению Кубанского Края в период времени 1917-1918 годов... За отличные действия во время вооруженной борьбы с большевиками... За организацию казаков различных станиц и самостоятельное успешное ведение операций против Красной гвардии... произвоизводится"... и прочее, но Вы теперь хотели бы внушить себе и другим, что вместо такого приказа по В. существует „справочная книга", из которой ничего не видно, значит, произведен „неизвестно за что".

На докладе Нач. Шт. Куб. В. ген. Лещенко по поводу моей деятельности стоит резолюция Куб. В. Ат-на ген. Филимонова: произвести есаула Жукова в следующий чин", т. е. в полковники, т. к. в то время чин Войск. Старшины был „упразднен (конец 1918 г.). Но доклад с резолюцией попал в „долгий ящик" и появился на свет Божий, когда чин В. Ст. был снова восстановлен и... меня произвели „в следующий чин". Ранее тоже получилось с чином есаула...

Эти ошибки впоследствии были исправлены самим начальником Войск. Штаба и я был произведен в полковники, при чем в приказе было оговорено — считать производство действительным не с 1920 г., а с 9 марта 1919 г. с установлением соответствующего старшинства в чине.

Подробный доклад о моей деятельности в период большевизма со многими ценными материалами и документами, как материал исторического характера, был передан тогда же ныне здравствующему генералу Звегинцеву.

Насчет беломечетской пыли. Если я не ошибаюсь, в свое время Вы проходили курс в Елизаветградском военном училище и нисколько не протестовали против того, что Вам, как казаку, неуместно поднимать некрасовскую пыль гусарской саблей и носить уланский кивер...

В Упр. Кавк. отд. я служил всего несколько месяцев — с конца 1918 г. по май 1919 г., — будучи прикомандирован туда распоряжением Кубанского Правительства, как необходимый работник и при том инвалид, неподлежащий службе в строевых частях, тем более в военное время. Остальное время я служил: в В. войну в составе 1-го Кубанского полка; в середине 1917 года был командирован в качестве инструктора в Войско и попал в ст. Кавказскую в строевую часть, а не в Упр. К. отд., как Вам рисуют дело некоторые „кунаки", где почти сразу же пришлось приступить к организации борьбы с большевизмом, — сначала пропагандой, а затем перейти и к оружию...

Проявить себя в Крыму и на Украине никак не мог по той простой причине, что в числе других раненых (видите, — я, инвалид, не побоялся ослушаться Войсковой медицинско-контрольной комиссии и все таки самовольно удрал на фронт и был ранен) был брошен в Новороссийске на с'едение большевикам. В том, что Вам удалось с армией оказаться в Крыму и на Лемносе, особого геройства я не вижу. Не знаю насколь Вы проявили бы мужество и находчивость, оказавшись в большевицких лапах, и с'умели бы Вы, подобно мне, пройдя всю Россию, все же добраться, если не до Лемноса, то почти до него и при том без всякой посторонней помощи и иностранных пайков. Разница между Вашим „геройским" путем и моим огромная. Думаю, что на моем месте и Вы не стали бы запасаться документом на свое собственное имя, а постарались бы спрятать Соламахина под иной фамилией; теперь я об этом могу говорить смело, т. к. мои родственники все уже расстреляны и мне все равно — Потоцкий я или кто другой — бояться нечего...

За границу я без посторонней помощи „выплыл" раньше, чем Вы добрались до Лемноса, а именно: 30 октября 1920 г. я уже был в Берлине и готовился следовать дальше в Крым, когда последний пал. Ехать после этого на Лемнос по меньшей мере было неумно. Во Францию я „выплыл" 21-го мая 1923, а не в 1926 г. и все время, да будет Вам известно, ни от кого никаких „способий", казенных жалований или иностранных „пайков" не получал, а работал как мастер сначала в качестве рисовальщика (в Берлине), а затем специализировался в нескольких других видах труда...

Много бы можно было Вам сказать, да редактор не принимает. Да по существу и не стоит много говорить с человеком, подкрепляющим свои „выводы" и убеждения" анонимными письмами, которые как правило, порядочными людьми бросаются в сорный ящик, так как они пишутся всякого рода бандитами, вымога-

*) От редактора. Я самым добросовестным образом сократил настоящую статью больше, чем наполовину. Вот почему она и носит такой отрывистый характер. Сделал я это потому, что считаю, что казаки уже знают где правда, а где ложь. Не стоит придавать большого значения „стараниям" госп. Соламахина в его „К. К," — ему ведь и делать больше нечего и писать в своем „органе" тоже не о чем. Предупреждаю на будущее — особенно г. С., — что по затронутым вопросам я больше места в журнале „ВК" полк. Жукову не дам. Если хочет, пусть г. С. „упражняется" в „ухищрениях" и дальше — ответа не получит.

телями, трусами и вообще подлецами, боящимися огласки. Вы же не только солидаризуетесь с анонимами, но находите возможным помещать их „произведения“ в журнале, да еще в Кубанском официозе. Это подло и трусливо — прятаться за анонимы... Только как бы за Вашу „джигитовку“вам снова казаки не набили ... как в станице Невинномысской. Теперь смыть этих побоев казачьей кровью нельзя уже будет. Иностранцы не позволят расстреливать казаков ни Вам, ни г. Шкуро. Вот тогда „глупый дядя“ из „КК“ окажется не только патентованным, но и битым...

А. Жуков.

Казачья эмиграция.

На В. К. с'езд.

Поступило: от Александра Юрченко (из Чикаго) — 165 к. ч.

В Болгарии: Правление Вольноказачьей Донской Селимийской Свято-Николаевской станицы (атаман — М. К. Туроверов, писарь — И. Д. Кузнецов) сообщает, что членами станицы собрано на ВК с'езд 385 лева, каковые и хранятся в правлении.

Казаки-студенты польским студентам.

Председателю Конгресса В. Бончковскому
в Варшаве.

Казаки-студенты, об'единенные в Общеказачью Студенческую Станицу (в Белграде), познакомившись с резолюцией, вынесенной на I-ом Конгрессе Восточных Ассоциаций Польскаго студенчества Варшавы, Вильно, Кракова, Львова и Познани, собравшись на своем станичном сходе, постановили единодушно приветствовать Вас от лица казачьей академической молодежи за Ваши теплые приветствия и моральную поддержку, направленную в адрес всех порабощенных сейчас народов, борющихся за свою национальную свободу.

Мы — казаки студенты Белградского Университета шлем освобожденной и об'единенной Польше пожелание не только укрепить свое самостоятельное государство, но и добиться того, чтобы оно заняло одно из первых мест среди Европейских держав.

С какой радостью и восторгом мы в 1917 году приветствовали освобождение и своего казачьего народа! С каким горячим энтузиазмом пошли мы, учащаяся молодежь как высшей, так и средней школ, на борьбу с русскими большевиками, отстаивая свою национальную свободу, но к нашему ужасу и отчаянию у нас не оказалось Иосифа Пилсудского, а мужество казаков донских, кубанских, терских и иных было использовано русскими генералами в своих политических целях. После трехлетней кровавой и бесполезной борьбы на два фронта сила наша сломилась и наши Края отданы Северу на поток и разгромление.

Дорогие коллеги!

Такова горькая действительность. Но мы учли свои ошибки. В невыносимо тяжелых условиях мы сейчас готовим кадры наших соотечественников к новой борьбе, к новому государственному строительству. Мы все силы прилагаем на то, чтобы славное и независимое Казачество окончательно освободилось от зависимости русской, встало бы на свои ноги и взяло судьбу и своих земель и своего народа в свои руки.

Иногда нам кажется, что эта задача нам не подсилу, но, черпая моральную поддержку в казачьих массах, в тех воплях и призывах и восстаниях, которые бесконечно идут в наших казачьих землях, мы снова и снова продолжаем бороться и с нашими противниками и с суровой действительностью. Как и вы, мы твердо верим и знаем, что наши страдания, наша стойкость и наша жертва не пропадут даром — мы достигаем своего и казачье студенчество будет иметь великую честь и радость видеть Вас у себя в освобожденных Казачьих Землях.

Шлем привет Вашей Родине, которой Вы сейчас гордитесь, привет и тем, кто вашу Родину вам освободил.

У нас всегда будет в отношении вас сохранено чувство глубокой признательности. Уже однажды сочувствие Вашему Отечеству со стороны казаков было выявлено. Казачьи части в момент наступления на Польшу русских большевиков, несмотря на то, что последние разжигали национальную вражду, переходили на сторону ваших легионов, тем самым хоть немного помагая вашей героической борьбе за Свободу Речи Посполитой

Наше оружие польской кровью в этой войне не было обагрено.

И мы уверены, что так будет и в будущем.

Атаман Студенческой Станицы **П. Поляков.**
Помощник атамана **Петр Мерзликин.**
Писарь **Ив. Фастунов.**

Белград.

Постановление правления Донской Парижской станицы.

Правление Донской Парижской станицы на заседании своем 14 сентября 1932 года слушало и обсуждало официальное отношение Совета Старшин Казачьего Клуба от 5 сентября с. г., в котором Станица извещается, что им, К. Клубом, проектируется „С'езд представителей казачьих организаций во Франции с целью обмена мнениями по вопросам текущей казачьей и общерусской жизни — политической, экономической и организационной“ и, если Станица найдет „возможным принять участие в созыве этого С'езда, Совет старшин покорнейше просит уполномоченного Вашего правления прибыть на совещание (предварительное)“.

Принимая во внимание:

а) что Казачий Клуб проектирует созыв С'езда не только для решения казачьих вопросов, но также для решения „политических и организационных“ вопросов обще-русской жизни“,

б) что Донская Парижская Станица состоит только из вольных казаков, не считающих нужным обсуждать на казачьем С'езде вопросы „обще-русской жизни“,

а также полагая:

а) что организация Каз. С'езда для решения вопросов „обще-русской жизни“ есть бесцельная, а с точки зрения подлинных казачьих интересов вредная затея и со стороны казаков является некоторого рода самозванством, так как никто из русских не спрашивает их мнения на счет вопросов „обще-русской жизни“ и с их решением считаться не будет,

б) что настоящая затея Казачьего Клуба, по мнению Правления Станицы, является ни чем иным, как началом повторения недавнего печального, приведшего казаков к разбитому корыту опыта, когда казачьи „вожди“, начав обсуждать и решать вопросы „обще-русской жизни“, постепенно привели Казачество под нози „белых“ русских вождей,

в) что новое повторение этого печального опыта смешения с русскими и подчинения им казаков явится последним и непоправимым ударом Казачесву, —

Правление Донской Парижской Станицы постановило:

официального участия в проектируемом Казачьим Клубом С'езде представителей казачьих организаций во Франции не принимать, а ограничиться только посылкой своего представителя для информации исключительно по экономическим вопросам.

Подлинное подписали: атаман Станицы М. Колесов, пом. атамана Ш. Балинов, казначей И. Евтухов и писарь В. Семенкин.

33-я встреча ВК в Белграде.

20-го сентября состоялась очередная встреча ВК. Председательствовал П. Поляков.

Сообщения из Праги, Парижа и Брна от почетных казаков Студ. Станицы о принятии ими почетного звания и с выражениями симпатий в адрес Белградской Студ. Станицы приняты к сведению.

Было оглашено бестактное письмо-ответ ст. Хорвата, председ. Союза Рус. Студентов и принят целый ряд решений по вопросу о взаимоотношениях с СРС.

Н. М. Дмитренко делает сообщение о значении для ВК наличия кадров своих культурных работников.

Б. А. Кундрюцков — указывает на необходимость усилия борьбы с противниками ВК на всем фронте, попутно информируя о событиях в Крагуевце, Белграде, Панчево, Смедерево, Боре, Скопле и др. городах.

Г. С. Козлов — предлагает иметь квартиру для ведения организованной культурно-просветительной работы.

Предложение единогласно принимается.

34-я встреча ВК в Белграде.

Встреча была разбита на два собрания:

Общества Ревнителей Казачества и Общеказачьей Студенческой Станицы.

Члены Общества Ревнителей Казачества обложили себя членским взносом в размере 10 динар, выбрали казначеем стан. Н. М. Дмитренко и наметили план дальнейшей деятельности внутри и во вне своей организации.

В студенческой Станице был проведен диспут на тему: Идея Вольного Казачества.

Собрание было поделено на два лагера — противников и защитников — идеи независимости.

П. Поляков нападал на ВК, с яростью самого подлинного „единонеделимца".

Ст. И. М. Фастунов тоже вел линию „оппонентов" ВК.

Н. М. Дмитренко защищал ВК, пользуясь историческим и иным материалом, делал ссылки на известные работы по казачьему вопросу.

Г. С. Козлов указывал на существование документов о том, что Казачество было независимым и отдельным от русского народа.

Б. А. Кундрюцков указал на существование оленя в Донском старом гербе и на то, что олень был и в Запорожском Войске, при чем найденная в Новочеркасске корона скифской царицы тоже носит на себе следы выбитых оленей.

Древняя Войсковая печать была с изображением бегущего оленя, пронзенного стрелой с надписью:

Печать войсковая, олень поражен стрелой.

Оживленная беседа затянулась до позднего вечера и все разошлись с сознанием того, что скоро завеса, скрывающая происхождение Казачества, будет окончательно поднята и история его изложена понятным языком и вполне доступная широкой казачьей массе.

Недостатки Быкадоровской Истории в том, что она очень запутана и требует внимательного изучения.

(Соб. кор.)

У украинцев в Белграде.

В Белграде в Украинской Громаде начался сезон вечеринок. Первая была посвящена композитору Лысенко.

Выступал целый ряд ораторов и певцов. Играл струнный оркестр.

Реферат о творчестве и жизни Лысенко читал голова Громады пан Зиверт.

Кроме украинцев белградских присутствовали гости и из провинции. От казаков были: П. С. Поляков, Б. Кундрюцков и И. И. Назаров.

Соб. кор.)

Необходимое предупреждение.

Наш тотрудник Вл. А. Куртин сообщает редактору „ВК", что он не состоит членом „Союза кубанских писателей и журналистов".

Еще один.

1-го июля с. г. в гор. Суботице, в Югославии, умер казак ст. Новочеркасской Гавриил Архипов.

(Соб. кор).

В Казакии.

По советским газетам.

Неблагополучно в Донецком бассейне. В Ростовском „М" 21 сентября читаем: „Работа Донбасса продолжает оставаться черным пятном на... социалистическом строительстве... Донбасс плетется в хвосте самых отсталых отраслей советской промышленности"...

Здесь же рядом „приказ". „Перегоним урожайность Канады и Германии".

На следующий день там же: „Сев не развернут"...

„Констатировать, что районные организации Ставропольского, Н.-Покровского, Каневского, Георгиевского и Обливского районов до настоящего момента ограничились лишь разговорами о севе"...

„Сеять по бурьяну — преступление" — кричит „М." 23 сентября. „Разбить демобилизационные настроения в борьбе за хлеб... Посеяно в два раза меньше против прошлого года"... „Северные районы не выдержали правительственных сроков сева"...

24 сентября: „Полная бездеятельность в борьбе за хлеб" (из ст. Курганской).

„Вместо боевой организации сева — продолжается заседательская суетня"... (в Краснодаре).

26 сентября: „На полях Северного Кавказа в эти дни решается одна из важнейших народно-хозяйственных проблем... Цифры, характеризующие ход сева и зяблевой пахоты в крае, рисуют пока неприглядную картину"...

„Ново-Александровское руководство плохо борется за хлеб и сев..."

„Темпы хлебозагоровок падают" (Миллерово).

27 сентября напечатано постановление Северо-Кавказского крайкома: „Доклады секретарей Миллеровского, Константиновского, Мечетинского, Прикумского, Медвеженского, Курганского и Каневского районов о ходе сева показали совершенно неудовлетворительное впечатление"...

„Решительно ликвидировать отставание на фронте сева, зяби и хлебозаготовок"...

„За 20 дней сентября столько же, сколько за два предыдущие месяца"... (Махач—Кала).

„Тихорецкие коммунисты не организовали большевицкого развертывания осеннего сева"...

28 сентября: Старо-Минский район не взял ударных темпов в севе озимых"...

„Перелома в темпах сева нет".

Не лучше и на железных дорогах. 29 сентября в „М" читаем: „Развернувшиеся осенне-зимние перевозки на Сев.-Кавк. жел. дороге со всей очевидностью вскрыли явно неудовлетворительную подготовку ряда узлов, станций и районов дороги к этому... периоду работы железнодорожного транспорта"...

Поправка.

В прошлом, 113 номере „ВК", в отчете г. Аршинова он ошибочно назван „священником", каковым не был в действительности, а был только учеником в священники — „манджиком".

Розыски.

Прокофий Дорофеевич ЧИПЛИКОВ розыскивает своего двоюродного брата Александра Ив. ЧИПЛИКОВА, казака ст. Суворовской, хутора Пристенского.

Сообщить по адресу: P. Tschiplikow, Ruthe bei Sarstedt, Hannover, Deutschland.

Открыта подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО — ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0·50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0·20 долл.

Отдельные комплекты за 1930 и 1931 годы продаются: в Č. S. R. по 100 к. ч. за год, а заграницу — по 4 ам. доллара.

Подписную плату посылать по адресу: „Volné Kozáctvo“, Hradecká 2207, Praha-Vinohrady, Tchécoslovaquie.

Vydavatel: Ignat Bilyj. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 270532-VII.-1930.
Tiskem knihtiskaře A. Fišera. Praha-Strašnice č. 289.